

Ефим КУРГАНОВ

ШПИОН ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

(ИСТОРИКО-ПОЛИЦЕЙСКАЯ САГА)

Эпизод второй:

**АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ В ОПАСНОСТИ,
ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОКУШЕНИЯ**

**ИЗ СЕКРЕТНОГО ДНЕВНИКА
ВОЕННОГО СОВЕТНИКА
ЯКОВА ИВАНОВИЧА ДЕ САНГЛЕНА**

**Публикация профессора Николая Богомольникова
Перевод с французского Сергея Глазкина
Научный консультант Роман Оспоменчик¹**

ОТ ПУБЛИКАТОРА

Предлагаемые ныне вниманию читателя материалы чрезвычайно любопытны в двух различных аспектах – и литературном, и собственно историческом.

Знакомство с этими архивными материалами, до сих пор никогда не вводившимися в оборот, позволит совершенно по-новому понять и оценить русско-французские военно-дипломатические отношения в 1812-м году, непосредственно перед началом войны, и одновременно читатель, наконец, сможет ясно представить то, что, собственно, осталось за кадром «Войны и мира» Льва Толстого.

* * *

Хочу прежде всего напомнить, что третья глава третьего тома эпопеи Л.Н.Толстого «Война и мир» целиком посвящена описанию бала в имении генерала Л.Л.Бенningсена «Закрет» под Вильной.

Начинается глава со слов о том, что русский император Александр I со своим двором переместился весной 1812-го года в Вильну, а затем автор излагает краткую предысторию бала: «В июне месяце одному из польских генерал-адъютантов

---

¹ Проф. Роман Оспоменчик является автором капитального труда «Ахматова и Тютчев» (Спб., 2005).

государя пришла мысль дать обед и бал государю от лица его генерал-адъютантов. Мысль эта радостно была принята всеми. Государь изъявил согласие. Генерал-адъютанты собрали по подписке деньги. Особа, которая наиболее могла быть приятна государю, – была приглашена быть хозяйкой бала. Граф Бенигсен, помещик Виленской губернии, предложил свой загородный дом для этого праздника, и 13 июня² был назначен бал, обед, катанье на лодках и фейерверк в Закрете, загородном доме графа Бенигсена»³.

Ключевая сцена главы представляет собой описание того, как во время бала к императору подошел министр полиции А.Д. Балашов и сообщил, что войска Наполеона начали переправу через Неман: «Генерал-адъютант Балашев, одно из ближайших лиц к государю, подошел к нему и неприворотно остановился близко от государя, говорившего с польскою дамой. Поговорив с дамой, государь взглянул вопросительно и, видно поняв, что Балашев поступил так только потому, что на это были важные причины, слегка кивнул даме и обратился к Балашеву. Только что Балашев начал говорить, как удивление выразилось на лице государя. Он взял под руку Балашева и пошел с ним через залу, бессознательно для себя расчищая с обеих сторон сажени на три широкую дорогу сторонившихся перед ним»⁴.

Между тем, Александр I о том, что началась война с Бонапартом, узнал еще до бала, и узнал не от министра полиции Балашова, а от начальника высшей воинской полиции генерала Я.И. де Санглена – бывшего подчиненного Балашова, ставшего к лету 1812-го года вполне самостоятельной политической фигурой⁵.

Вообще балу предшествовали чрезвычайно острые и даже драматические обстоятельства, которые, видимо, остались неизвестными автору «Войны и мира».

В имение генерала Беннингсена «Закрет» предварительно были посланы французские шпионы, готовилось покушение на Александра I – танцевальный павильон должен был рухнуть прямо во время бала, погребя под собой и императора, и весь российский генералитет, а заодно и дипломатический корпус и врагов Бонапарта, оказавшихся в ту пору в Виленском крае и приглашенных на бал (граф Поццо ди Борго и многие другие).

Достаточно полную информацию о том, как готовилось и как не состоялось это покушение, можно получить, ознакомившись с дневником Якова (Жака) де Санглена – записи за май-июнь 1812-го года, – несколько фрагментов из которого мы сейчас и предлагаем вниманию читателя.

При этом следует помнить, что события излагает их непосредственный участник, и отнюдь не рядовой участник. Это – человек многоопытный, многознающий, но одновременно неспособный отстраниться от этих событий, стать, так сказать, «над схваткой». О неизбежной глубоко субъективной подоснове дневника читатель должен все время помнить.

Рукопись дневника, представляющая собой три огромных фолианта, с 1867-го года хранится в муниципальном архиве города Ош, департамент Жер, Гасконь, Франция.

Как можно с большей долей вероятности предположить, в свое время дети Якова Ивановича де Санглена, видимо опасаясь хранить секретный дневник своего отца в России, передали его своим гасконским родственникам. Во всяком случае, других версий того, как дневник оказался во Франции, у нас к настоящему времени нет.

Может быть, в недалеком будущем загадка эта и прояснится или возникнут какие-то другие версии.

² Классик ошибся: бал состоялся 12-го июня 1812-го года.

³ Толстой Л.Н. Собр. соч. в 12-ти т. М., 1958, т. 6: 16.

⁴ Там же: 17.

⁵ См.: Записки Якова Ивановича де Санглена // Русская старина, 1883, март: 546.

В любом случае полная публикация дневника де Санглена сулит нам еще не одно открытие. Будет поднята завеса еще не над одной тайной русско-французских отношений эпохи наполеоновских войн.

Завершить же эту краткую вводную заметку, предваряющую настоящую публикацию, я хотел бы словами безвременно ушедшего от нас выдающегося знатока русской истории, культуры, быта александровского времени Вадима Вацура, с полным на то основанием и абсолютно точно написавшего о Якове Ивановиче де Санглени так: «Какая потрясающе интересная литературная фигура!»⁶

**Профессор Николай Богомольников
г. Москва
18-го мая 2006 года**

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА О Я.И. ДЕ САНГЛЕНЕ

Яков Иванович де Санглен, действительный статский советник, лектор немецкой словесности в Московском университете, адъюнкт-профессор военных наук, военный советник, начальник канцелярии министерства полиции, сын de Saint Glin'a, выходца из Франции, родился в Москве в 1776-м году, умер там же в 1864-м году первого апреля.

Получив первоначальное воспитание в московских частных пансионах, де Санглен в 1786-м году поступил в Ревельскую гимназию и, окончив шесть классов, начал в 1793-м году службу переводчиком в штабе вице-адмирала Спиридова.

Воспользовавшись продолжительным заграничным отпуском, Санглен прослушал курс философии у профессора Платнера в Лейпциге и курс астрономии у профессора Боде в Берлине.

Затем по возвращении в Россию, после экзамена, он был назначен в 1804-м году лектором немецкого языка в Московский университет на место профессора Гейма и открыл на русском языке курс публичных лекций по военным наукам и тактике.

В 1806-м году Яков де Санглен был назначен адъюнкт-профессором Московского университета, а в следующем, 1807-м, году он оставил службу в университете и был причислен к штабу генерал-адъютанта князя П.М.Волконского.

В 1812-м году Санглен состоял на службе при министре полиции, генерал-адъютанте Балашове, в должности начальника Особой канцелярии министерства полиции.

Действуя заодно с генерал-адъютантом Балашовым и другими лицами, добивавшимися падения государственного секретаря Сперанского, Санглен играл не последнюю роль в интриге, жертвой которой и сделался государственный секретарь.

Когда на Сперанского возвели обвинение в том, что он в утверждении министерств не следовал плану, данному ему для руководства, составленному на французском языке Лагарпом, император Александр поручил Санглену сравнить учреждения министерств с проектом Лагарпа.

Раньше чем решиться сослать Сперанского, государь неоднократно совещался с начальником тайной полиции Сангленом, не посвящая в тайны своих совещаний даже министра полиции генерала Балашова.

В день ссылки Сперанского Санглен присутствовал при опечатывании бумаг государственного секретаря, по поручению государя сопровождал Балашова при отправлении Сперанского в ссылку в Нижний Новгород и затем докладывал об этом государю.

⁶ Вацура Вадим. Готический роман в России. М., 2002: 523-524.

После упразднения министерства полиции, с образованием департамента полиции при министерстве внутренних дел, Санглен вышел в отставку и, причисленный в 1816-м году по Высочайшему указу к герольдии с жалованьем в 4000 руб., удалился в деревню Клинского уезда, где и дожил свой век в уединении, под конец жизни разбитый параличом и преследуемый теми же страхами, которые он сам наводил некогда на других как начальник тайной полиции.

Близкий к императору Александру I, выполнявший неоднократно весьма важные секретные поручения государя, Санглен умел приобрести доверие и Николая I. В 1831-м году он был вызван в Петербург, и государь поручил ему заняться разбором доноса, поданного князем А.Б.Голицыным, «О иллюминатстве в 1831 г.» – фолианта огромных размеров, в котором объявлялись иллюминатами почти все лица, бывшие при Александре I и оставшиеся в живых при Николае I. Князь Голицын, автор доноса, был признан фанатиком. Николай I остался доволен разбором «доноса на всю Россию», пожаловал Санглену бриллиантовый перстень в 2000 рублей и 3000 рублей ассигнациями, а кн. Голицына выслал в Кексгольм.

Имя Санглена небезызвестно в русской литературе.

В 1804-м году появился его перевод с немецкого «Отрывок из иностранной литературы». Вместе с профессором Рейгартом он издавал в Москве в 1805-1806 гг. ежемесячный журнал «Аврора» (две части, шесть номеров).

В 1805-м году Санглен вместе с профессором Буле участвовал в издании «Учехных ведомостей».

Затем появились его сочинения: «О военном искусстве древних и новых времен», М., 1808; «Исторические и тактические отрывки», М., 1809; «Краткое обозрение воинской истории XVIII века», М., 1809; «В память графу А.И.Кутайсову», СПб., 1812; «Об истинном величии человека», 1814; «О храмах, жрецах, богослужении древних греков», ч. 1, СПб., 1815 (это же сочинение носит и другое название: «О начале и падении мифологического мира и богослужении древних греков»).

Затем в литературной деятельности Санглена наступил перерыв. Только через пятнадцать лет, после 1830-го года он написал романы «Жизнь и мнения нового Тристрама», «Рыцарская клятва на гробе», издал историческое сочинение «Подвиги русских под Нарвою в 1700-м году» и затем, в 1843-м году, выпустил итоговый во многих отношениях труд свой «Шиллер, Вольтер и Руссо».

Кроме того, Санглен печатал свои статьи в «Трудах Московского общества истории и древностей», а с 1845-го года он начал сотрудничать и в журнале «Москвитянин».

Несмотря на весьма преклонный возраст, уже в 1860-м году Санглен начал писать «Записки – не для современников», в которых он успел охватить события с 1776 по 1831 гг.

«Записки Я.И. де Санглена» появились в печати почти через двадцать лет после смерти автора.

Первая часть их посвящена царствованию Екатерины II, часть вторая – Павлу и его времени (Русская старина, 1882, т. XXXVI, N 12, с. 443-498), части третья и четвертая «Записок» охватывают царствование Александра I и начало царствования Николая I, до 1832 года (там же, 1883 г., т. XXVII, N 1, 1-46; N 2, 374-394; N 3, 538-578).

Как по детальному знанию закулисных причин описанных событий, по искреннему тону автора, писавшего «не для современников», так и по богатству фактического материала и значительности охватываемого периода «Записки Санглена» составляют ценный вклад в отечественную историю.

*АЛЕКСАНДР ЧЕРКАС, историк и библиограф
Санкт-Петербург, 12 февраля 1904-го года*

ИЗ СЕКРЕТНОГО ДНЕВНИКА

ВОЕННОГО СОВЕТНИКА ЯКОВА ИВАНОВИЧА ДЕ САНГЛЕНА

*Посвящается баронессе Н.Штукмейстер
Я. де С.*

ВИЛЬНА

МАЙ – ИЮНЬ 1812-ГО ГОДА

(20.V – 12.VI)

*О вы, которых долг природы
Зовет в путь чести к знаменам,
Держайте в ваши нежны годы
Проникнуть в страшный Марсов храм.
Не бойтесь, что герои пали
В пути, где с гордостью ступали,
Взнесенны славой до небес:
Они упали как герои
У стен великолепной Трои:
Так Гектор пал и Ахиллес.
Погибнет жизнь одна средь бою;
Не может слава умирать.
Простой неведомы толпою
Стези учитесь выбирать.*

М.Н.Муравьев

Мая 20 дня. Девятый час утра

Что за странная эта штука – репутация! Всегда приписывает она людям слишком много или слишком мало; середины нет. Иной имеет пять, шесть репутаций, а заслуженной – ни одной.

Древние говаривали: сиди смирно, что тебе нужно, то само тебя ищет. Пословица эта и у нас: сиди у моря и жди погоды. Но в наше время люди думают иначе: ничего обождать не хотят, беспокоятся, не зная, о чем, торопятся, не ведая, к чему, и признаться должно, многое переторавливают. Лучше ли это?⁷

Я самым серьезным образом рассчитываю, что сегодня ничего экстраординарного не произойдет.

Устал от всего, в том числе и от хорошего. Хочется отдохнуть, наконец, вернее – передохнуть, хоть немного не думать ни о чем – ни о Бонапарте, ни о шпионах, ни о стремительно надвигающейся войне.

Может быть, не смотреть почту, не принимать агентов, не отдавать распоряжений?!

⁷ Эти записи впоследствии вошли в публикацию: Я.И.С. Мысли и анекдоты // Москвитянин, 1845, часть пятая, номер десятый, октябрь, с.201-210. Примечание Филиппа Нора.

Обождать до вечера?! А сейчас расслабиться и прочитать заброшенного мною Шиллера, любимчика моего с юных лет!

И в самом деле – попробую. Вернусь-ка к моим обожаемым «Разбойникам».
Мая 20 дня. Полдень

Ходил по городу в сопровождении полицмейстера Вейса и квартального надзирателя Шуленберха.

По правой стороне Большой улицы на углу Шварцевого переулкa в доме, принадлежащем госпоже Яновичевой, помещается самый замечательный в Вильне магазин, существующий тут уже не одно десятилетие. И удивительно, что магазин с каждым годом приобретает более блеску, а хозяин еще более доверия.

Магазин этот, как рассказал мне Шуленберх, основан в 1787-м году итальянским переселенцем Франциском Фиорентини, перешел по наследству к сыну его Антонию. В Вильне ни один магазин не представляет столько разнообразия, блеску, вкуса и доброты товаров, как туземных, так и заграничных изделий.

Там можно найти золотые, серебряные, бронзовые украшения, часы карманные и столовые, сукно, трико, шелковые и шерстяные материи, голландское полотно и батист, английские фортепьянные инструменты, смычки и струны, разные вина, ром, сигары, охотничьи приборы, лампы и проч., и проч., всего не перечтешь; и все это самых лучших сортов, прочности и изящной отделки. Прогулка по царству Фиорентини представляла собою для меня истинное путешествие.

Мая 20 дня. Одиннадцатый час ночи

Проклятье! Позор! Ужас! Форменный ужас! Как же эти недоумки, эти горе-полицейские Розен и Ланг совсем недавно доносили мне, что мое распоряжение в точности исполнено, и агент Бонапарта графиня Алина Коссаковская доподлинно убита, а мерзавка-то жива и как ни в чем не бывало расхаживает по Варшаве в сопровождении маркиза Биньона.

Графиня, как всегда, жизнерадостна и ослепительна. Я полагаю даже, что особенно жизнерадостна и ослепительна, ибо сумела одурачить моих матерых полицейских чиновников, а с ними и всю высшую воинскую полицию.

Сегодня я получил донесение от Якова Закса, в коем он скрупулезнейшим образом изложил все передвижения по Варшаве пани Коссаковской.

Я просил передать мальчишке, дабы он и в дальнейшем не спускал с нее глаз.

Хотя бы теперь надо во что бы то ни стало не упустить графиню, столько успевшую нанести вреда российской короне и едва не загубившую самого императора Александра Павловича.

Не дай бог, узнает обо всем министр полиции Балашов – непременно ославит меня перед Государем и приближенными его, и ведь сделает это, мерзавец, с величайшей радостью.

Еще я просил Закса разведать, какие поручения давал графине маркиз Биньон, до недавнего времени возглавлявший французское разведывательное бюро в герцогстве Варшавском (а маркиз, несомненно, давал графине разного рода инструкции, и несомненно, то были личные поручения императора Франции, в распоряжение коего Биньон в скором времени отбывает).

В высшей степени рассчитываю, что мальчишка справится с ответственным заданием.

Нам надо непременно знать, какую каверзу ныне поручено исполнить прелестной графине Коссаковской.

Мая 21 дня. Одиннадцать часов утра

Завтракал я у главнокомандующего Первой западной армией графа Барклая де Толли.

Кроме его злющей супруги и полковника Закревского, старшего адъютанта Барклая и начальника его Особой канцелярии, был еще Иоганн Анштетт.

Анштетт – сын страсбургского адвоката, недавно принятый в русскую службу. Поговаривают, что Государь собирается назначить его начальником дипломатической канцелярии при командующем Первой западной армией (так и произошло: Анштетт возглавил дипломатическую канцелярию, но только уже при Кутузове – *позднейшее примечание Я.И. де Санглена*).

Дай-то бог! Иоганн Анштетт – человек вполне достойный, хотя и дружит с негодяем Балашовым.

Мая 21 дня. Два часа пополудни

С утра заходил ко мне полицейский надзиратель Шуленберх, малый толковый и занятный. От него всегда можно узнать что-то интересненькое, касающееся виленских происшествий.

Я стал его расспрашивать о старом лютеранском кладбище, том, что расположено по правую сторону реки Погулянки, и полуразрушенном доме невдалеке от лютеранского кладбища, о коем в здешних местах рассказывали и рассказывают много чудного. Мне об этом доме велел как-то разузнать Государь наш Александр Павлович.

Вот что поведал мне многознающий и многоопытный Шуленберх.

Холм, на коем расположено кладбище, называют в народе Буфаловой горой, и вот по какой причине.

В стародавние времена рядом с кладбищем в доме некоего Бауфала располагался ужасный кабак, где царствовали веселье, шум, гам и вообще постоянный разврат, где происходили дикие оргии; а виленские самоубийцы облюбовали сие место для ухода из жизни.

К началу нынешнего столетия Бауфалов кабак пришел в запустение. Теперь в нем обитают какие-то непонятные личности: то ли нищие, то ли привидения (в июле 1812-го года дом дотла сгорел; поговаривают, что его определенно подожгли – *позднейшее примечание Я.И. де Санглена*).

Полагаю, что сия история весьма позабавит, а может, даже и заинтересует Его Императорское Величество.

О доме Бауфала в виленском обществе рассказывают истории самого таинственного свойства. Утверждают, что в нем обитают души самоубийц.

Мая 21 дня. Десятый час вечера

Все так и произошло. И даже более того. Александр Павлович, несмотря на скептические ухмылки генерал-адъютантов Балашова и Волконского (особенно вызывающе неприличным мне показалось поведение первого), загорелся желанием осмотреть пустующий дом Бауфала.

Мы условились, что завтра к семи часам вечера я с квартальным надзирателем Шуленберхом зайду за Его Величеством в Виленский замок, и мы отправимся все вместе на Буфалову гору, к кладбищу. Генерал-адъютанты, не оставляя своих ухмылок, вызвались нас сопровождать. К нам обещал присоединиться и генерал

от кавалерии Беннингсен, и это понятно, ведь Леонтий Леонтьевич – обитатель здешних мест, хотя Бауфалову гору никогда до сей поры не посещал.

Я вызвал к себе сегодня коллежского асессора барона Розена и капитана Ланга. Показал голубчикам донесение Закса из Варшавы.

Кажется, они были искренне потрясены сведениями, содержащимися в том донесении.

Я разнес полковников не только словесно – мой камердинер Трифон заметил потом, что стены дрожали, – но и на месяц оставил без жалованья (заведующий моей канцелярией губернский секретарь Протопопов и коллежский секретарь Валуа уже заготовили соответствующий текст приказа).

Я сказал также Лангу и Розену, что пока они живой или мертвой не доставят мне графиню Алину Коссаковскую, прощения от меня им не будет, – грозился даже, буде графиня не будет разыскана, вообще уволить их со службы или понизить в звании.

Напуганные полковники божились, что на сей раз никак меня не подведут, не посрамят более чести мундира.

Мая 22 дня. Одиннадцатый час утра

Полицмейстер из Вильны Вейс и майор Бистром из Ковно передали донесения о положении дел на подведомственных им территориях. В высшей степени тревожно.

К двум я зван на обед к Барклаю. Званы также генерал-квартирмейстер Канкрин, начальник артиллерии граф Кутайсов, гражданский губернатор Виленского края Лавинский, генерал-адъютанты Балашов и Волконский.

Отставной гусарский ротмистр Давид Саван (Savant) прислал из Варшавы обширную докладную записку, обладающую чрезвычайной ценностью, – в ней приведены и суммированы все передвижения Бонапарта за май месяц.

Привожу выдержки по писарской копии. Оригинал я сразу же, ни минуты не мешкая, отослал Государю.

Добытые сведения отставной ротмистр почерпнул главным образом из бесед с маркизом Биньоном и несколькими чиновниками из его бюро, а также в ходе ознакомления с материалами, хранящимися в канцелярии бюро, к коим Давид Саван, пользующийся безграничным доверием маркиза, имеет постоянный доступ.

В беседе с Бонапартом один баварский генерал будто бы осмелился весьма робко заметить, что не лучше ли воздержаться от войны с Россией. – Еще три года, и я господин всего света, – ответил Наполеон.

В 6 часов утра мая девятого дня 1812-го года Бонапарт в сопровождении императрицы Марии-Луизы выехал из дворца Сен-Клу, что близ Парижа, и направился к Великой армии, которая уже шла разными дорогами чрез германские страны, устремляясь к герцогству Варшавскому и постепенно сосредотачиваясь на Висле и Немане; 16-го мая император Франции выехал в Дрезден в сопровождении короля Саксонии, который еще накануне направился ему навстречу. В Дрездене собрались короли и великие герцоги вассальных государств приветствовать своего

верховного повелителя. Среди многих других монархов прибыл в Дрезден и король прусский Фридрих-Вильгельм III, прибыл также император австрийский Франц.

15 дней пробыл Бонапарт в Дрездене, окруженный своими раболепными вассалами. В его присутствии они все (включая и его тестя, императора австрийского) стояли с обнаженными головами – сам же Бонапарт был в своей знаменитой треугольной шляпе. Обращение Бонапарта с ними было вполне благосклонное: он их милостиво брал за ухо, и от такой императорской ласки они были вне себя от восторга, иногда достойнейших похлопывал по спине, иным делал очень резкие публичные выговоры, но в Дрездене это случалось редко.

Из Дрездена Наполеон выехал в Познань, где пробыл несколько дней. Шляхта приветствовала его с особенным энтузиазмом. Поляки могли надеяться на восстановление Польши в старых пределах или, по крайней мере, на отторжение от России Литвы и Белоруссии. Однако нетерпеливый, раздражительный, весь уже охваченный военной заботой, с раннего утра до поздней ночи занятый работой, император Франции остался не слишком доволен разряженной, завитой и напудренной шляхтой, демонстрировавшей свою преданность и обожание. «Господа, я бы предпочел видеть вас в сапогах со шпорами, с саблей на боку, по образцу ваших предков при приближении татар и казаков; мы живем в такое время, когда следует быть вооруженными с ног до головы и держать руку на рукоятке шпаги», – в таких словах обратился Бонапарт к знати, встретившей его под предводительством познанского епископа Горжевского.

Мая 22 дня. Двенадцать часов ночи

В восьмом часу вечера из императорских покоев вышел небольшой отряд – впереди был квартальный надзиратель Шуленберх, за ним – Александр Павлович, я и Беннингсен, а за нами – генерал-адъютанты Балашов и Волконский.

Вот мы уже на древнем кладбище, окруженном столетними липами и пересекающимися в разных направлениях густыми аллеями. В полном молчании наш отряд пересек всю центральную аллею кладбища и вышел к огромному бесформенному полуразвалившемуся строению – это и был знаменитый дом Бауфала.

Дверь заскрипела и от ветра сама открылась, прямо перед нами. Все услышали страшное стенание, как будто исходившее от умиравшего насильственной смертью. Я заметил, что Балашов вздрогнул: кажется, ужас овладел им. Александр же Павлович, как мне показалось, насмешливо улыбался.

Вдруг над нами пролетело что-то, ударились о проемы дверей, взвивалось вверх, опускалось вниз и опять поднималось. Чрез несколько времени слышен был шорох по каменному полу, как будто извивалось по нем несколько огромных змей. И опять что-то взвилось вверх. Балашов вздрогнул и прошептал явственно: «Привидения!»

Между тем, летавшие по дому гости не были душами усопших, как полагал министр полиции. То были ночные птицы, кои в доме Бауфала завели гнезда свои. И не змеи ползали по полу, а товарищи мои, которые ползком на брюхе искали дверь, чтобы выйти. Стон происходил от генерал-адъютанта Волконского – в ту пору он был не в меру толст. Он счастливо дополз до дверей и благополучно протаскил половину своего весьма объемистого тела. Но когда она тяжелым боком своим обхватила толстое княжеское брюхо, он далее пролезть не мог и испуганно застал. Худощавый Балашов, отыскивший ту же дверь, наткнулся на Волконского,

догадался, в чем состоит дело, переполз через несчастного, растворил дверь пошире и выручил князя. Генерал Беннингсен, не найдя дверей, выполз сквозь большое отверстие, род свода, в которое влетали и улетали ночные птицы.

В скором времени в доме Бауфала мы остались втроем – я, Государь и квартальный надзиратель Шуленберх.

Я начал оглядываться и заметил вдруг наверху тоненькую полоску света и шепнул о сделанном открытии Александру Павловичу и Шуленберху.

Мы двинулись в сторону света, на ощупь стали подниматься по большой каменной лестнице, склизкой и вонючей, и оказались перед маленькой дверью, из-под которой как раз и пробивался свет.

Я попробовал открыть дверь, но она оказалась заперта. Тогда я ударил по основанию двери носком сапога, и она не то что рухнула, а просто рассыпалась. Раздался треск, а затем и звон разбитого стекла, и стало слышно, как кто-то выпрыгнул из окна.

Мы вошли. На маленьком столике горела свеча, и были разложены стопки бумаг. Один лист был развернут – я подошел и увидел, что это записка маркиза Биньона к графу де Шуазелю. Речь в записке шла о численности и дислокации войск Первой западной армии в Виленском крае.

– Да тут не привидения, тут шпионы прячутся, – захохотал Александр Павлович.

Улов мы в этот вечер собрали знатный. Государь был весьма доволен и звал меня разбирать захваченные бумаги.

Мы условились, что назавтра к вечеру я явлюсь в Виленский замок, и отужинав, мы примемся детально оценивать то, что неожиданно-негаданно досталось нам в доме Бауфала.

Май 23-го дня. Десятый час утра

Завтракал с полицмейстером Вейсом в трактире Кришкевича. Новости он поведал весьма неутешительные: виленские французы, не так давно сидевшие тихо, казалось, боявшиеся нос высунуть, становятся все более нескрываемо активными и даже нахальными. «Бонапартизм просто выплескивается из них», – как верно заметил генерал Вильсон, главный шпион британской короны в здешнем крае, когда мы с ним на днях пересеклись в городском саду и перекинулись парой словечек, весьма небесполезных для обеих сторон.

После Кришкевича мы с Вейсом зашли в кофейню Юльки, что на Большой улице. Над воротами дома красуется надпись «Kawiarnia» (кофейный дом), и в доме этом нет ничего особенного. В Вильне таких домов десятки. Но этот известен в Вильне под именем кофейни Юльки. Несмотря на то, что Юлька уже умерла, кофейня не хочет расстаться с ее именем.

Кофейня эта никогда не бывает пуста. Тут пьют кофе (надобно прибавить – кофе прекрасный, лучший в городе), пьют чай, курят трубки, сигары, играют в бильярд, играют в шахматы, читают газеты, пересказывают друг другу городские новости.

Играют, выигрывают, проигрывают, наблюдают за игрой, принимают участие в той или другой стороне, предсказывают успех или неудачу, но все довольны, все веселы. И это не один, не два, не три дня, а во всякое время, когда вы войдете туда, вы встретите те же сцены.

Что же из этого заключить должно? Вот тут есть разрешение важного житейского вопроса? Кто доволен и весел – тот счастлив. Что ж это древние и новые муд-

рецы, философы, мыслители и все имеющие притязание на эти титулы, в продолжение нескольких тысяч лет искали местопребывание счастья и не могли до сих пор отыскать его? Вот оно где! – в кофейне Юльки!

Оставив кофейный дом, мы оказались на маленькой красивой площадке, обстроенной домами в виде неправильного полукружия. Место это называется «Большая Ремиза», потому что здесь останавливается самое большое число извозчиков в Вильне.

Но вот на правой стороне площадки находится заведение, которого нельзя пропустить без особенного внимания, а вместе с тем не принести искренней благодарности виновнику его существования, Александру Михайловичу Шульцу. Это большой каменный двухэтажный дом с надписью «Hotel Nizskowski». Отель этот энергическими действиями хозяина доведен до такой степени удобства и, можно сказать, даже комфорта, каких в подобных заведениях Вильна еще не видела.

Когда я вернулся к себе, меня уже ждала записка от Закса из герцогства Варшавского. Да, времени он там не теряет.

Закс сообщил, что графиня Алина Коссаковская уезжала в Познань и уже вернулась. Отсутствовала она ровно двое суток.

Вероятнее всего, графиня ездила на аудиенцию к Бонапарту. Ездила за новым заданием, видимо, строго секретным и важным.

Закс написал мне также следующее (передаю смысл его утверждений в самых общих чертах).

Он считает, что император Франции наметил для графини какую-то роль в организации нового покушения на жизнь нашего Государя. Но детали затеваемого можно будет уточнить только у них двоих – у Бонапарта и у прелестной Алины. И все-таки мы должны узнать подробности, обязательно должны узнать.

Мне почему-то кажется, что мальчишка (а умница он очевиднейший) совершенно прав: Бонапарт задумал новое покушение и исполнение его собирается возложить чуть ли не на Алину – не зря же он вызывал ее в Познань для конфиденциальной беседы, хотя, конечно, о чем они там говорили – Бог ведает. Но ясно одно: не новинки французской словесности обсуждали.

Вообще я давно уже понял: император Франции, видимо, хочет сделать из нее новоявленную Юдифь, да только Государь наш Александр Павлович – не Олоферн, не насильник и не захватчик, отнюдь. А Вильна – не Ветилуя (жидовская крепость, атакованная ассирийским сатрапом Олоферном – *позднейшее примечание Я.И. де Санглена*). Пора бы это понять корсиканцу, да, видно, он не дорос пока и не в силах сообразить, что любовь к историческим аналогиям до добра его не доведет.

Но уж если и теперь эту новоявленную польскую Юдифь упустят мои полковнички – не сносить им головушек: самолично откручу, никому не передоверю. И ничье заступничество им теперь не поможет, ничье, даже государево.

Неприменно попрошу Яшеньку Закса любой ценой узнать подробности, связанные с тем новым заданием, которое получила прелестная Алина. И надо бы узнать, кто отдан ей в помощники, ибо одной ей тут явно не справиться.

Не сомневаюсь, что в ближайшие дни Алина появится в наших краях. И также не сомневаюсь, что появится она не одна.

Обедаю я у командующего артиллерией Первой западной армии генерала Кутайсова. Будет также генерал-квартирмейстер граф Канкрин и состоящие при особе Государя генералы Аракчеев и Беннингсен, а возможно, что и сам Александр

Павлович, весьма расположенный к Кутайсову. Впрочем, как можно быть к нему не расположенным?!

А ужинаю я у Государя Александра Павловича – мы станем разбирать с ним бумаги, добытые в доме Бауфала, а их, кстати, мы набрали тогда немало – почитай, целый мешок.

Мая 24-го дня. Первый час дня

С утра я гулял в городском саду. У меня там были назначены встречи с полицеймейстером Вейсом и приехавшим из Ковно майором Бистромом, а также и с квартальным надзирателем Шуленберхом, который становится постепенно моей правой рукой.

В одной из аллеек сада я провел собрание своего ведомства.

Вернувшись к себе, вызвал коллежского асессора Розена и капитана Ланга и приказал готовиться к возможному появлению в здешнем крае графини Алины Коссаковской уже в самые ближайшие дни.

Камердинер мой Трифон рассказал мне, что, пока я гулял с полицейской братией в городском саду, приходил адъютант генерала Беннингсена и принес записку от своего повелителя.

Надо сказать, что произошло поразительнейшее событие. Генерал от кавалерии Леонтий Леонтьевич Беннингсен, необыкновенно сухой, заносчивый и невыносимый, прежде глядевший на меня как на какую-то букашку, пригласил меня к себе на обед. Перемена эта для меня совершенно необъяснима.

Может быть, Государь замолвил за меня словечко или, может, мое бесстрашное поведение в доме Бауфала сыграло тут свою роль, не знаю. Но я приглашен в его загородный замок «Закрет», и это, конечно, громадная честь.

Генерала Беннингсена я всегда не любил. Меня обижали его постоянные и глубоко несправедливые нападки на главнокомандующего Барклая де Толли.

И вообще, как можно уважать человека, коему сопутствует репутация убийцы?! И убийцы кого?! Убийцы императора?! Императора Павла?!

Конечно, Павел был тираном, был предметом ужаса для подданных своих. Но одновременно он обладал сердцем добрым, чувствительным, душою возвышенною, умом просвещенным, пламенною любовью к справедливости, духом рыцаря времен протекших. В любом случае убийство тирана все равно остается убийством.

Но решительно не одобряя поведение и поступки генерала Беннингсена, я почитаю за честь быть приглашенным к нему, тем более, что на такую честь я даже и надеяться не смел, не надеялся, что могу быть замеченным бароном Беннингсеном, высокомерие коего мне казалось безграничным. Что ему полицейский чиновник? – думалось мне, – пусть и обласканный вниманием самого Государя?

Кстати, вчера, после ужина и разбора бумаг, Его Величество заметил (и сделал он это в присутствии генералов Беннингсена и Аракчеева), что документам, извлеченным нами из дома Бауфала, цены нет! Государь прямо заявил: «Теперь вся деятельность виленских бонапартистов у нас как на ладони».

Так что полезно иногда по ночам посещать кладбища и прилегающие к ним строения.

Мая 24-го дня. Шестой час вечера

Заведующий моей канцелярией губернский секретарь Протопопов представил составленную по моей просьбе весьма обширную справку. Вот некоторые извлечения из нее.

Генерал от кавалерии Л.Л. Беннингсен и Виленский край

Прикосновенный к событиям 11 марта, унесшим жизнь императора Павла, Беннингсен отправляется к войскам в литовские губернии – не в опалу, но все же подальше от столицы.

В Виленском крае генерал от кавалерии женится, и это уже в четвертый раз, на польской аристократке Марии Бутовт-Андржейкович, которая тридцатью годами моложе его, и производит на свет еще сына и дочь – по счету они были у него шестой и седьмая.

1801-1805 гг. – служба и прозябание в Литве. Он присутствовал на коронации императора Александра в Москве, но вскоре должен был удалиться в Вильну, назначенный Виленским военным губернатором и начальником литовской артиллерийской инспекции. Почетная ссылка продолжалась до 1804-го года, когда Беннингсен был снова вызван в Петербург, и с этого времени начинается новый период в его жизни.

Зима 1806-1807 годов – апофеоз Беннингсена: он выстоял в сражении при Эйлау, не дрогнул перед Бонапартом, который имел репутацию непобедимого.

1807–1812. Беннингсен опять не у дел, он пребывает в своем имении «Закрет» близ Вильны. Государь отзывался о нем в том духе, что считает Беннингсена весьма коварным и что ему очень неприятно с ним видеться вследствие воспоминаний о прошлом.

Мая 25 дня. Одиннадцатый час утра

Из герцогства Варшавского прислал очередное свое донесение Закс. Ему удалось раздобыть сведения исключительной важности, и вот каким образом. Тут целая история, пожалуй, даже весьма занимательная!

Яков Закс завел знакомство с толстушкой Эльжбетой, горничной графини Коссаковской, и даже довольно быстро был допущен в ее уютную комнатку, расположенную под чердаком графского особняка. Из этой комнатки он несколько раз совершал прогулки по дому, дождавшись того момента, когда Эльжбета бросалась, наконец, в объятия к Морфею и все засыпали.

Во время одной из таких ночных прогулок Закс добрался до библиотеки, изучению которой посвящал добрых часа два, не менее.

Он стал перетряхивать книгу за книгой и уже потерял всякую надежду на успех, как вдруг из томика Эразма Роттердамского «Похвала глупости» выпал сложенный вдвое листок. Сын аптекаря поднес его поближе к свечке, и тут руки его задрожали, даже затряслись, и, в общем-то, было, от чего.

Листок, выпавший из Эразма Роттердамского, был приказом Бонапарта, отданным им графине Алине Коссаковской и некоему полковнику Сигизмунду Андриевичу. Речь в приказе шла об убиении ныне здравствующего российского императора.

Была в бумаге указана и дата исполнения страшного Бонапартова распоряжения – 12 июня сего года (оставалось без малого семнадцать дней). В приказе после знаменитого наполеоновского росчерка стояло: Познать, 21-го мая 1812-го года.

Закс списал в свою тетрадку текст приказа, оригинал вложил обратно в Эразма и отправился к не ведавшей ничего Эльжбете.

От такого рассказа руки задрожали и у меня. Но какой все-таки этот Закс умница! Что бы я делал без него?

Суметь проникнуть в дом графини Алины Коссаковской! Додуматься в библиотеке перетряхивать книги! Обнаружить сам приказ Бонапарта! И какой приказ!

Я тут же написал Заксу, сердечно поблагодарил и попросил немедленно, исключительно срочно установить личность полковника Андриевича и его место-

нахождение, а также отслеживать буквально всех, с кем общается прелестная графиня.

А толстушку Эльжбету хочется просто расцеловать за то, что она оказалась благосклонной к нашему Заксу, спасая тем самым судьбу Российской империи!

Бегу к Барклаю – необходимо показать ему последнее донесение Закса (Да! Мальчишка превзошел все мои ожидания). И послал записки министру полиции Балашову и князю Волконскому, дабы они немедля явились к Барклаю. Записки аналогичного содержания были отправлены к генералам Беннингсену и Аракчееву.

Мая 25 дня. Шестой час вечера

Главнокомандующий стоял у карты и что-то аккуратно и неторопливо вычерчивал на ней. Не оборачиваясь, он сказал мне:

– Что новенького, Яков Иваныч?

Я отвечал, что новости есть, но с изложением их придется обождать примерно с полчаса. Барклай, не требуя никаких объяснений, продолжал невозмутимо колдовать над картой, а я стал перечитывать записку от Закса, все более и более поражаясь разумению и догадливости этого мальчишки. Но молчание продолжалось недолго.

Скоро появился шумный, экспансивно-крикливый Балашов с недоумевающе-растерянным князем Волконским, затем вошел Аракчеев, окинув всех подозрительно-жестким взглядом, и последним появился Беннингсен, из коего высокое мнение буквально сочилось.

Не мешкая, я вкратце рассказал о Заксе, о том, как юный каббалист, сын виленского аптекаря, стал неоценимым сотрудником высшей воинской полиции при военном министре. И затем сразу же приступил к чтению записки.

Закс все изложил живо и остроумно, но ни тени улыбки не появилось на лице у присутствующих, когда они знакомились с текстом записки.

Я закончил читать, но никто не издал ни звука. Выждав несколько минут, я сказал:

– Господа, вы поняли, что на Государя готовится покушение. Прошу вас самостоятельно ничего не предпринимать. Я сам сообщу, когда мне понадобится помощь кого-либо из вас. Пока мне самому еще неясно, какой род помощи мне будет нужен. Буду ждать дополнительных разъяснений от своего агента. Пока известен лишь один из исполнителей, детали же тонут в тумане. Государю прошу ничего не рассказывать. Охрану Александра Павловича следует усилить, но так, чтобы Его Величество ничего не заметил. Как только у меня появятся новости, тут же сообщу.

Все молча кивнули.

Вскипел только министр полиции Балашов:

– А почему мы должны верить какому-то вашему Заксу? На каком основании? Я его не знаю вовсе. У меня есть собственные агенты, и они о покушении на Государя еще ничего мне не доносили. Полагаю, что вы это выдумали все, желая выслужиться и отличиться.

Однако Александр Дмитрич тут же решительнейшим образом сник под высокомерно-осуждающим взглядом генерала Беннингсена.

Расходились все мрачные и насупленные.

Мая 26-го дня. Одиннадцать часов утра

Едва успел от меня выйти полицмейстер Вейс после своего очередного утреннего доклада, как принесли новую записку от Закса из герцогства Варшавского.

Упредив мой приказ о розыске неведомого полковника Андриевича, мальчишка по собственной воле начал его искать – и уже нашел, представьте себе!

Вот что было сказано в записке, на сей раз весьма краткой, но не менее ценной, чем предыдущая.

Полковник Сигизмунд Андриевич – адъютант генерала Фишера, который является начальником Генерального штаба армии герцогства Варшавского и одновременно курирует польскую войсковую разведку.

Полковник вот уже несколько дней, оказывается, совершает вместе с прелестной Алиной Коссаковской двухчасовые конные прогулки в окрестностях Варшавы (обычно это происходит ранним утром, даже скорее на рассвете).

Далее Закс предупреждает, что ежели в ближайшие дни полковник Андриевич появится в Виленском крае, то у него, видимо, будет фальшивый паспорт, и он несомненно постарается изменить свою внешность.

Мальчишка прав. Думаю, Андриевича надо будет вычислить по Алине, с которой он непременно должен будет сноситься.

Я сразу же вызвал Розена и Ланга, показал им новую записку Закса и сказал им, что жду от них немедленных, решительных и успешных действий. Они вздрогнули, но потом бодро в знак согласия кивнули.

И конечно, отправил благодарственное письмо к Заксу, добавив, что за Коссаковской и Андриевичем необходимо следить неотступно, буквально ни на миг не выпуская их из виду.

Теперь бегу к Барклаю де Толли.

Нужно что-то срочно придумать касательно встречи Алины и Сигизмунда. Явно они постараются прибыть незаметно и затеряться до поры до времени.

Что-то я на Ланга и Розена не больно надеюсь. Они ведь уже прошляпили прелестную графиню, и не один раз.

Посоветуюсь еще с генералом Аракчеевым, коему вверена охрана Его Величества.

Тревожно что-то у меня на душе.

Ежели своевременно не обезвредить Алину – это может обернуться катастрофой, крушением целой Империи.

Конечно, моим невинным полковникам с графиней не совладать. Кажется, мне нужно действовать самому.

И еще я рассчитываю на Закса – мальчишка не подведет. Это уж точно!

А Барклаю я, естественно, все расскажу, но, полагаю, это мало что даст – он умен (по-военному), но слишком уж прям и доверчив, слишком уж лишен интриганской жилки. Однако доложить я ему все равно должен.

Неясно только, надо ли ставить в известность обо всем происходящем Государя. И неясно, с кем на этот счет стоит советоваться.

Мая 26-го дня. Десятый час вечера

Так все и вышло, как я предполагал.

Главкомандующий оторвался от карты, забегал по кабинету, заволновался, заохал, но дельного ничего предложить не смог. Все только причитал: «Что же делать? Что же делать?»

Но в итоге совместно мы пришли к одному важному соглашению, от исполнения которого, как мне кажется, многое зависит в успехе нашего предприятия.

Михаил Богданович сегодня же обещал подписать указ об образовании особого сводного отряда, кой будет занят непосредственно поисками графини Алины Коссаковской и полковника Сигизмунда Андриевича на территории Виленского

края. Командиром отряда назначаюсь я; мой помощник – полицмейстер Вейс; начальник разведки – квартальный надзиратель Шуленберх.

Вернувшись к себе, я, не дожидаясь, пока будет подписан указ военного министра, приступил к формированию сводного отряда. При этом мною было решено, что Ланг и Розен будут действовать самостоятельно, на правах отдельной группы, о чем я их незамедлительно оповестил. В помощь я придал им еще ковенского майора Бистрома (появление Алины и полковника Андриевича именно через Ковно более чем реально).

На семь вечера назначил первое собрание нашего сводного отряда. Длилось оно всего полчаса, но узловые вопросы были, кажется, решены.

С завтрашнего утра мы начинаем действовать. Собираемся все у меня в восемь часов утра.

Минут с сорок назад ординарец Главногокомандующего принес подписанный им указ.

А минут с десять, как явились за инструкциями полковники Ланг и Розен. Но я сильно разочаровал их, заявив, что они сами должны изыскивать способы для отыскания графини Коссаковской и полковника Андриевича. И отправились, голубчики, недовольные, но отправились. Надеюсь, что хоть до чего-нибудь сами додумаются.

Мая 27 дня. Три часа

С утра, когда все явились, я приказал Шуленберху и Вейсу установить постоянное наблюдение за всеми домами виленских бонапартистов (графа де Шуазеля, аббата Лотрека и других), а также попробовать подкупить слуг в этих домах с той целью, чтобы выяснить, не ожидают ли там в ближайшие дни парочку гостей. Принятые нами меры пока никаких результатов не дали (от сотрудничества с воинской полицией, ввиду скорого появления в здешнем крае французской армии, тут решительно стараются уклоняться), но еще не все потеряно. Мы ведь только начали действовать.

Пришла коротенькая записка от Закса, в коей он сообщил, что графиня и полковник все еще совершают по утрам конные прогулки в окрестностях Варшавы. По окончании каждой из них Сигизмунд Андриевич запирается на час-полтора в кабинете с генералом Фишером и ведет там с ним беседы.

В полдень я был принят генералом Аракчеевым. Он советует пока Государю ничего не рассказывать.

Ланг и Розен молчат – как в воду канули. Ну и шут с ними! Все равно толку от них мало.

Мая 27 дня. Десятый час вечера

Новость (узнал ее сегодня от государственного секретаря Александра Семеновича Шишкова, а потом это известие подтвердил и генерал Аракчеев): генерал от кавалерии Беннингсен утвержден исполняющим обязанности начальника Генерального штаба.

Да, эта ганноверская лиса все-таки вошла в доверие к Государю, закрывшему теперь глаза на то, что именно Леонтий Леонтьевич одиннадцать лет назад прикончил родителя его Павла Петровича!

Поразительно – Александр Павлович простил убийцу своего отца! Не хочется в это верить.

Может быть, это страх перед Наполеоном заставил Императора российского приблизить к себе Беннингсена? Может быть. Но теперь этот пролаз, который долгое время был полуопальным, лезет вверх.

Тяжело теперь придется Барклаю, ох, как тяжело: Беннингсен ведь не успокоится, пока не пожрет его, да с потрохами, без остатка, ибо он не только хитер, но и необычайно нахален.

В стане виленских бонапартистов – никаких волнений и никаких движений («тишь да гладь – Божья благодать»). Так что если они и готовятся к приему графини Коссаковской и ее спутника, то делают это чрезвычайно скрытно – и их, собственно говоря, можно понять: афишировать свои действия им нет никакого резона.

И все-таки нам необходимо узнать, кто же именно готовится принять эту парочку, пока что безмятежно гарцующую каждое утро в окрестностях Варшавы. Надо будет так или иначе узнать, что же именно спланировал генерал Фишер в купе с представителями Бонапарта в герцогстве Варшавском.

А полковники Ланг и Розен так и не подадут о себе никаких известий – видимо, пьют с горя. Да, где уж им разузнать про прелестную Алину – их она всегда обводила вокруг пальца. Но пока что и пронырливые Вейс и Шуленберх ничего не могут сделать со своими вездесущими помощниками. Да, пока что отряд наш себя не оправдал.

Ситуация сложная: даже уцепиться не за что. К виленским бонапартистам теперь и не подступишься. Между тем, совсем недавно это были, в основном, чистейшие болтуны. Увы, все изменилось: теперь, оказывается, пустые обещания даем мы.

Мая 28 дня. Одиннадцатый час утра

С утра появился у меня ковенский полицмейстер майор Бистром, коего я не видел уже давненько, хотя донесения он посылал мне весьма исправно.

Бистром пребывает в постоянной панике, не выходя из этого состояния, и его можно понять.

Коллежский ассессор Розен и капитан Ланг, с коими он должен был вести поиски тех мест, где осядут в ближайшее время полковник Андриевич и графиня Алина, исчезли и совершенно не подают о себе никаких вестей.

Я предложил майору плюнуть на полковников и войти в наш отряд, откомандировав его к полицмейстеру Вейсу.

Прислал донесение отставной ротмистр Давид Саван из Варшавы, весьма любопытное и весьма важное, можно даже сказать, исключительно важное.

На днях он был приглашен на обед к генералу Фишеру, в ходе коего хозяин громкогласно заявил своим гостям, что император Франции разгромит русскую армию уже в первом приграничном сражении и сделает тем самым дальнейшие боевые действия просто ненужными.

– А если русские попробуют уклониться от этого сражения? Как тогда? – спросил один из присутствующих.

Начальник Генерального штаба войск герцогства Варшавского после минутного раздумья ответил так:

– Если русские начнут отступать, то этим они нанесут Бонапарту самый страшный удар из всех возможных, ведь их отступление означает превращение войны из молниеносной в затяжную. Надеюсь, что они захотят драться.

Отставной ротмистр Саван довольно подробно, в лицах пересказал этот разговор.

Едва получив его донесение, я тут же кинулся к Барклаю.

И вот что мы с ним надумали, точнее, я предложил, а военный министр одобрил.

Барклай должен составить ложный приказ о дислокации русских войск на ближайшие месяцы. Из этого приказа должно следовать, что русские войска якобы не будут пытаться перейти Неман, а будут активно противодействовать переправе через нее «Великой армии» и дадут сражение в пограничной полосе.

Этот ложный приказ Барклая пересылается в Варшаву отставному ротмистру Давиду Савану, а тот, в свою очередь, передает его своему «благодетелю» генералу Фишеру, который доводит текст приказа до сведения самого Бонапарта.

С изложением этого плана мы пошли к Государю.

Его Величество сразу же и целиком одобрил его. Более того, Александр Павлович приказал немедля приступить к исполнению. Более того, он пообещал мне и Барклаю, что уже на днях он предполагает сделать следующее.

Государь сказал, что как бы в подтверждение ложного приказа Барклая он вместе с исполняющим обязанности начальника Генерального штаба генералом Беннингсеном демонстративно поедет производить рекогносцировку в районе Вильно, дабы французы и поляки уверились, что русские действительно разрабатывают план приграничного сражения.

Я, естественно, самым любезнейшим образом, и при этом совершенно искренне, поблагодарил Александра Павловича за помощь, которую он хотел оказать нам для успешного проведения весьма рискованной и ответственной операции.

В самом деле, Государь совершенно прав: одного ложного приказа Барклая было бы слишком мало. Бонапарт хитер и может догадаться о нашей уловке.

Сей приказ необходимо подкрепить какими-то действиями, ежели мы и в самом деле хотим, чтобы нам поверил сначала генерал Фишер, а затем и сам Бонапарт.

В некоторых отношениях задуманное мною должно определить ход предстоящей кампании, должно нанести удар по победоносному шествию «Великой армии» (на основе полученной от Савана информации французский Генеральный штаб разработал схему разгрома русских войск именно в пограничном сражении. План с ложным приказом удался на славу – *позднейшее примечание Я.И. де Санглена*).

Мая 28 дня. Шестой час вечера

В полдень принесли записку от Яши Закса из герцогства Варшавского, в коей он сообщал, что исчез полковник Сигизмунд Андриевич, в то время как прелестная Алина преспокойненько пребывает в родительском доме и утренних верховых прогулок уже не совершает.

Сам Закс считает, что адъютант генерала Фишера уже находится в Виленском крае.

Еще он пишет, что о миссии Коссаковской-Андриевича в Варшавском разведывательном бюро ровным образом ничего не известно. Видимо, миссия сия, в силу своей особой секретности, исходит от самого Бонапарта, не иначе.

Мне тоже так казалось, но сейчас не до раздумий: необходимы решительнейшие действия.

Я вызвал полицмейстера Вейса и приказал ему во что бы то ни стало разыскать полковников Розена и Ланга и тут же привести их ко мне, в каком бы состоянии они при этом ни находились. Но Вейс еще не успел выйти из моего кабинета, как

голубчики явились. Хмеля в них не было ни капли, но при этом Розен и Ланг были в штатском платье, изодранном и выпачканным донельзя.

И вот что, яростно перебивая друг друга, они поведали мне.

Под холмом, на коем пересекаются улицы Субоч и Бакшта, расположены таинственные подземелья, а также подземный туннель, ведущий аж за двадцать с лишним верст от Вильны, в город Тракай.

Некий Янкель, владелец жидовской корчмы на окраине Тракая, указал Розену и Лангу ход в туннель и дал им в провозачье своего тринадцатилетнего сынишку, давно облюбовавшего подземную дорогу из Тракая в Вильну для своих с приятелями игр.

Более семнадцати часов понадобилось им, чтобы пробраться по этому туннелю до подземелий, расположенных под улицами Субоч и Бакшта. И при выходе из подземелий Розен и Ланг обнаружили целехонький мундир полковника польской гвардии и шпагу, совершенно не заржавленную. Все эти трофеи они тут же продемонстрировали мне.

Все мы сошлись на том, что и мундир, и шпага принадлежат полковнику Сигизмунду Андриевичу, буквально сутки назад исчезнувшем из Варшавы.

Следовательно, получается, что адъютант генерала Фишера уже находится в Вильне. Все-таки его появление мы прозевали, хотя и знаем теперь, каким именно образом ему удалось проникнуть в Вильну.

Но как теперь искать полковника Андриевича?

План действий у меня созрел молниеносно. Я приказал полицмейстеру Вейсу, надзирателю Шуленберху и Розену с Лангом незамедлительно провести обыски у главных виленских бонапартистов – графа де Шуазеля, аббата Лотрека, графа Тышкевича и камергера Коссаковского.

Обыски они тут же произвели, но результатов нет никаких – следов полковника Андриевича, к моему величайшему сожалению, так и не отыскалось. Даже у Коссаковского, дядюшки прелестной Алины, подозрительного совершенно ничего не обнаружено.

Создается впечатление, что Алину и Андриевича тут совершенно никто не ждет, а очевидно, что это ведь не так. Необходимо продолжать поиски.

Одно в высшей степени любопытное известие передал из герцогства Варшавского отставной ротмистр Давид Саван (доставили мне с полчаса назад).

В своей записке он отметил, что графиню Алину Коссаковскую в последние дни каждый день стал приглашать к себе на ужин генерал Фишер.

Видать, и прелестная Алина скоро исчезнет, вернее, отправится в наши края. Хоть бы сейчас ее не упустить нам!

Надо будет мне самолично встретиться с ее простачком-дядюшкой – вдруг что и выболтает ненароком.

Полицмейстер Вейс как-то докладывал мне, что камергер Коссаковский облюбовал для прогулок небольшой, но чрезвычайно милый палисадничек на Остробрамской улице.

Но, собственно, камергер там даже и не прохаживается, а сидит часами под огромным раскидистым дубом и сосредоточенно читает французскую скабресную поэзию, до которой он великий охотник. И неизменный его спутник – «Галантные дамы» Пьера де Бурдея, аббата де Брантома. Как говорил мне Вейс, особенно много закладок в камергерском экземплярике «Дам» есть в рассуждении седьмом: «О замужних женщинах, вдовах и девицах и о том, какие из них горячее в любви».

Мая 29-го дня. Девятый час вечера

Дядюшка Алины был мною обнаружен сегодня в одиннадцатом часу утра как раз под вышеозначенным дубом и за чтением неизменного аббата де Брантома.

Увидев меня, камергер явно смутился, тут же захлопнул томик и немедленно сунул его в карман сюртука.

Беседовать начал он со мной с опаской и без особого желания, но постепенно разболтался, однако все вопросы, так или иначе связанные с Алиной, достаточно ловко обходил. Было ясно, что на сей раз толку мне от него не добиться.

Интересно, что и Коссаковский мне задал один вопрос, весьма меня озадачивший.

Когда мы уже расставались, он спросил, справедлив ли слух, что генерал Леонтий Леонтьевич Беннингсен назначен начальником Генерального штаба российской армии.

Я отвечал уклончиво, что в точности пока ничего не известно.

Забавно: камергер Коссаковский тоже решил что-то выведать – вот так-то.

Поразительно! Поистине поразительно! Начальник воинской полиции выпытывает у него, а он что-то захотел выпытать у меня.

Однако и самонадеян же оказался голубчик!

А я-то прежде думал, что он умнее и трусливее.

Да, осмелел граф, шибко осмелел. Вероятно, приближение «Великой армии» и его свело с ума. Этот выпивоха, видать, не сомневается в победе Бонапарта – иначе бы он так себя не вел.

В два часа пополудни вдруг позван я был к Государю.

Когда я вошел, Александр Павлович ходил быстрыми шагами по зале и, заметив меня, сказал:

– Слушай, Санглен. Мои генерал- и флигель-адъютанты просили у меня позволения дать мне бал на даче Беннингсена. Для этого они решили специально выстроить там особый зал со сводами, украшенными зеленью. Я дал согласие. А тебе препоручаю охрану. Наведывайся в «Закрет» к генералу Беннингсену и следи там за всем. Бал назначен на двенадцатое июня.

Вернувшись к себе, я тут же вызвал полковников Розена и Ланга, и мы все, не мешкая, помчались в «Закрет».

Беннингсен уже знал об идее бала и полностью одобрял ее. Еще бы! Принимая у себя Государя, он хочет еще более возвыситься.

Когда я попросил у генерала позволения, дабы полковники Розен и Ланг, опытные сотрудники высшей воинской полиции, из охранных соображений, пожили некоторое время у него в имении, то он сразу же согласился, но лукаво улыбнулся при этом. И, весело блестя глазами, сказал мне после минутной паузы:

– Конечно, пусть остаются: авось чем и помогут. Не те, так ваши. У меня уже второй день живет пятерка балашовских агентов.

Новость эта, конечно, была вполне прогнозируемая и даже неизбежная, но малоприятная.

Уезжая, я отозвал в сторону Розена и Ланга, сообщил им, что в «Закрете» уже живет пять людей Балашова, и запретил иметь с ними даже малейшее общение.

– К балашовским прохвостам ни под каким видом не подходить! – так я сказал.

Вернувшись из «Закрета», я опять отправился к Государю и рассказал ему обо всех сделанных мною распоряжениях.

Естественно, я ни словом не обмолвился о том, что мне стало известно от генерала Беннингсена, о том, что знаю: охрана поместья «Закрет» поручена не только чинам Высшей воинской полиции, но и сотрудникам из ведомства министра Балашова.

Впрочем, как мне показалось, Государь смотрел на меня с лукавинкой и, значит, как будто догадывался, что я знаю. Но я и в самом деле должен был знать о про-

исшедшем, ибо Государь всегда так поступал: Балашов в начале нынешнего года следил за государственным секретарем Сперанским, а мне было поручено следить за Балашовым. Так что ничего удивительного!

Необходимо только любой ценой опередить балашовских агентов. Жизнь Государя должна спасти именно Высшая воинская полиция, но никак не министерство полиции.

Мая 30-го дня. Шестой час вечера

Только что мне доставили сообщение от отставного ротмистра Савана из Варшавы.

Графиня Алина Коссаковская по-прежнему живет в доме у своих престарелых родителей, выезжает крайне редко, но по-прежнему каждый вечер отправляется на ужин к генералу Фишеру и задерживается там допоздна. Конечно, генерал Фишер – известный поклонник женских прелестей, и конечно, Алина – невыразимо красива, но я уверен, что визиты графини к генералу замешаны отнюдь не на амурной основе.

Завтракал я в девять часов утра с полицмейстером Вейсом в трактире Кришкевича. Увы, полицмейстер мало чем меня порадовал: полковник Сигизмунд Андриевич так и не разыскан, и до сих пор не нащупан буквально ни один след, коий может к нему привести.

Когда я вернулся к себе, то меня ждала записка от Розена и Ланга.

В ней сообщалось, что в «Закрете» все идет своим чередом и никаких причин для беспокойства пока совершенно нет.

Сегодня утром Беннингсен нанял архитектора, который будет ведать возведением павильона, предназначенного для бала. Им оказался некий Рихард Шульц, голубоглазый великан с отличной офицерской выправкой.

На архитектора он походит довольно мало. Выдает себя за пруссака, но говорит с явным польским акцентом. Тем не менее обычно крайне подозрительный граф Беннингсен воспылал к нему особым доверием.

Граф утверждает, что Шульц – весьма искусный архитектор и что предложенный им проект павильона просто прелестен. Графиня Беннингсен, урожденная Бутовт-Андржейкович, придерживается того же мнения.

Наняли уже и рабочих, числом до тридцати человек. Разместили их в новеньком, недавно отстроенном амбаре. Подле рабочих все время крутятся балашовцы – проверяют, должно быть, не иначе.

В ответ я написал записку, в коей советовал Розену и Лангу попытаться как можно осторожнее и ненавязчивее сблизиться с Шульцем.

Принесли письмо от Закса из Варшавы, в коем зафиксированы последние передвижения Бонапарта.

Из Познани император Франции выехал в Торн, оттуда – в Данциг, где пробыл четыре дня. Из Данцига Бонапарт отправился в Кенигсберг, где провел пять дней в непрерывной работе по управлению армией и по организации ее снабжения.

В варшавском разведывательном бюро поговаривают, что в ближайшие дни Бонапарт отправится в Литву, в местечко Вильковышки, где он должен подписать приказ о начале боевых действий.

Мая 30-го дня. Первый час ночи

Был на ужине у гражданского губернатора Лавинского.

Встретил там немало представителей местного общества, и в частности графа Коссаковского и аббата Лотрека.

Почти все разговоры вертелись вокруг предстоящего бала, взмывающей карьеры престарелого Беннингсена и его юной жены, обворожительной польской аристократки.

Громче всех выступал министр полиции Балашов. Вообще он петушился ужасно и был даже не совсем приличен. Он буквально кричал (дабы услышали все), что идея бала принадлежит именно ему. При этом в другом конце стола сидел другой генерал-адъютант – князь Волконский, коий весьма скептически ухмылялся, но публично вконец обнаглевшего Балашова не опровергал.

Еще министр полиции взахлеб рассказывал присутствующим, что именно его людям доверена охрана имения Беннингсена «Закрет» в эти и в последующие дни, предбальные и послебальные. Тут уже настал мой черед ухмыляться. Однако Балашов ничего не замечал: его просто несло.

Даже губернатор Лавинский, близкий приятель Балашова, почуял неладное и забеспокоился, но на его знаки министр полиции никак не реагировал и не собирався реагировать: видимо, он хотел выговориться до конца.

Присутствующие не вытерпели и начали вслух смеяться, но Балашов так и не слез со своего конька.

Губернатор Лавинский укоризненно качал головой.

Такой вот был сегодня ужин.

Меня же по роду службы беспокоит вот что.

Предстоящий бал у Беннингсена буквально разболтан, разнесен по всему свету.

Речи, которые держал сегодня министр полиции Александр Дмитрич Балашов, просто недопустимы и, строго говоря, являются государственным преступлением: они сделали безопасность нашего императора чрезвычайно уязвимой.

О бале знает уже местное население, весьма враждебно к нам настроенное, – значит, знают и французы.

Вообще, сегодняшней ужин у гражданского губернатора Виленского края, кажется, был весьма поучителен: он на многое открыл мне глаза.

Наверняка Бонапарт теперь что-нибудь предпримет. Необходимо быть сверх меры осторожными в эти дни.

Июня 1-го дня. Десятый час утра

В половине восьмого принесли записку от Ланга и Розена из «Закрета».

Им уже несколько раз удалось побеседовать с архитектором Шульцем.

По их словам, он милый и приятный человек, большой друг России, сколько можно судить по его речам, и действительно весьма недурной архитектор. Польский же акцент не очень как будто у него заметен.

Да, что-то голубчики мои как будто пошли на попятный. Не покупает ли их Шульц? Нет, это чересчур, конечно. Но, видимо, не они вошли в доверие к Шульцу, а Шульц вошел к ним в доверие. Еще и проболтаются ему, что мы ищем некоего полковника Андриевича. Не приведи Господи!

Но вот что еще сообщили Розен и Ланг.

Им показалось, что графиня Беннингсен весьма равнодушна к архитектору.

На правах хозяйки она входит во все детали устройства павильона и сопровождает Шульца всюду, и не раз они оказываются наедине. Все бы ничего. Но графиня

может знать от своего супруга что-то, чего не должны коснуться посторонние уши и глаза, и она может проболтаться, ежели она действительно влюблена.

В ответном письме я попросил коллежского асессора Розена и капитана Ланга аккуратно и предельно осторожно вести наблюдение за графиней Беннингсен, прежде всего интересуясь ее прогулками и беседами с архитектором.

И еще напомнил им, чтобы они не имели никаких контактов с балашовцами, но одновременно, по возможности, приглядывали за ними. И чтобы не забывали регулярно осматривать строительную площадку и каждый раз доносили о сделанных наблюдениях, обращая особое внимание на возможные подкопы.

В одиннадцать часов утра у меня была встреча в трактирчике на Немецкой улице с квартальным надзирателем Шуленберхом.

После полудня я просматривал бумаги моей канцелярии, подготовленные коллежским секретарем Валуа. Наиболее ценные я отобрал для представления Государю.

Июня 1-го дня. Одиннадцатый час ночи

Обедал я у Барклая де Толли. Были все свои.

Когда заговорили о предстоящем бале, то я поведал о возмутительной болтовне министра полиции Александра Дмитрича Балашова во время недавнего ужина у гражданского губернатора.

Михаил Богданович ужасно рассердился и сказал, что непременно доложит обо всем Государю. Полковник Закревский, начальник Особой канцелярии при военном министре, подтвердил, что такое поведение является ничем иным, как форменным предательством.

В пять часов принесли донесение отставного гусарского ротмистра Давида Савана, переславшего текст воззвания Бонапарта к армии: «Солдаты, вторая польская война начата. Первая кончилась во Фридланде и Тильзите. В Тильзите Россия поклялась в вечном союзе с Францией и клялась вести войну с Англией. Она теперь нарушает свою клятву. Она не хочет дать никакого объяснения своего странного поведения, пока французские орлы не перейдут обратно через Рейн, оставляя на ее волю наших союзников. Рок влечет за собой Россию: ее судьбы должны совершиться. Считает ли она нас уже выродившимися? Разве мы уже не аустерлицкие солдаты? Она нас ставит перед выбором: бесчестье или война. Выбор не может вызвать сомнений. Итак, пойдем вперед, перейдем через Неман, внесем войну на ее территорию. Вторая польская война будет славной для французского оружия, как и первая. Но мир, который мы заключим, будет обеспечен и положит конец гибельному влиянию, которое Россия уже 50 лет оказывает на дела Европы».

Я тут же схватил это воззвание, бросил его в портфельчик, где уже лежали бумаги, подготовленные для Государя, и ринулся в Виленский замок, забежал к Барклаю и, ничего не объясняя, но не скрывая таинственного вида, предложил немедленно отправиться со мною к Государю.

В императорском кабинете я продемонстрировал полученный от Давида Савана документ, который со всею очевидностью означал, что война начинается, и в самые ближайшие дни. Теперь же никаких сомнений в этом быть не могло!

Июня 2-го дня. Одиннадцать часов утра

Началось! Бонапарт приступает к исполнению задуманного!

Графиня Алина Коссаковская исчезла из Варшавы, а точнее не исчезла, а явно отправилась в наши края, в Вильну (полагаю, что ее доставили к границе в генеральской карете), поближе к Александру Павловичу.

Господи! Не прозевать бы ее теперь!

Вот как я узнал о происшедшем с Алиной.

С полчаса назад принесли письмо от Закса из Варшавы. Он сообщил, что после ужина у генерала Фишера Алина в родительский дом не вернулась, но на поиски ее никто не кинулся – родители, видимо, были заранее предупреждены.

Не медля, я приказал квартальному надзирателю Шуленберху установить наблюдение за домом камергера Коссаковского и не снимать его впредь до особого распоряжения.

Да, коли разыщем Алину, то непременно найдем и полковника Андриевича.

Интересно, как они будут связываться с генералом Фишером? Вот получить бы доступ к их переписке!

Надо будет написать и Заксу, и Савану, чтобы они попробовали хоть что-нибудь узнать на этот счет.

Может быть, удастся выявить курьера – это было бы немало. Кстати, нужно будет проверить хотя бы пару раз подземный ход от городишка Тракай в Вильну: не исключено, что там и удастся обнаружить донесения Алины Коссаковской и Сигизмунда Андриевича.

Июня 2-го дня. Первый час ночи

В два часа дня я самолично спустился из подвальчика двухэтажного особняка, стоящего на пересечении улиц Субоч и Бакшта, в подземелье и стал отыскивать туннель.

Меня сопровождали полицмейстер Вейс и квартальный надзиратель Шуленберх (последний, кстати, рассказал, что слово «Субоч» образовано от польского *Z UBOCZA*, что значит, собственно, С ОБОЧИНЫ).

Мы прошли весь туннель, что заняло не один час, и вышли уже в городке Тракай.

Не отыскивали ничего, если не считать, правда, голубого капота и голубого же шелкового платка, покрытых не успевшей еще спрессоваться легкой, свежей пылью. И капот, и платок лежали при самом выходе из туннеля.

В Тракае я стал спрашивать Августа Янкелевича, владельца корчмы, не видал ли он, кто спулся в подземелье.

Тот кликнул сынишку. Лукавый,мышленый мальчишка без обиняков поведал нам, что его попросила проводить по подземному ходу до Вильны одна незнакомая девица (видимо, из приезжих), одарившая его целой пригоршней злотых.

Сомнений быть не могло – то была несравненная Алина Коссаковская, с которой уже, почитай, алчет встречи моя страждущая душа.

Значит, все-таки Алине удалось попасть к нам в Вильну, и, в общем-то, легко удалось – благодаря нашему полнейшему попустительству.

Когда стало понятно, что Андриевич проник в Вильну по подземному ходу, надо было, конечно, тут же поставить своих людей в корчме Августа Янкелевича. Под видом посетителей они могли легко следить, кто спускается вниз. Да, это непростительное упущение! Алина уже могла бы быть у нас в руках!

Но где же графиня скрывается теперь? Видимо, она находится где-то поблизости от полковника Андриевича, и это все, что я могу пока сказать. Увы, это все.

Вернувшись из подземелья, я тут же нагрязнул с обыском к графу Коссаковскому, но обыск не дал совершенно никаких результатов: Алины там не было. Мы обшарили весь дом, долго допрашивали слуг, но не нашли никаких следов.

К позднему вечеру интересную новость принес мне квартальный надзиратель Шуленберх.

По его словам, владелец трактирчика на Немецкой улице видел, как в восемь часов утра девица, по приметам чрезвычайно напоминавшая Алину, пересекала быстрым шагом ратушную площадь в сопровождении голубоглазого гиганта с роскошной офицерской выправкой.

По свидетельству трактирщика, они сели в карету, которая тут же и тронулась.

И все. И более никаких следов. Как будто прелестная Алина растворилась в воздухе.

Где же ее искать? Ума не приложу, ей-богу. И не с кем посоветоваться. Не с Балашовым же! Он, если и будет знать, где скрывается графиня, то не скажет ни за что – сам попробует ее схватить и, конечно, проворонит.

Как показали обыски последних дней, у здешних бонапартистов ее нет. Судя по всему, Коссаковская обрела пристанище там, где ее менее всего станут разыскивать.

Но что же это за место? В доме у гражданского губернатора Виленского края она уже жила, едва не сделавшись агентом Балашова. Второй раз, после решительного разоблачения, ей туда уже не сунуться.

Что же остается? Виленский замок, вот уже третий месяц являющийся местопребыванием Государя? Не может быть, это слишком рискованно (я, почитай, бываю в замке каждый день – если не у Александра Павловича, так у Баркляя) . Но где же тогда? Где? Теряюсь в догадках. Совершенно не могу представить, что на сей раз придумала эта чертовка.

Июня 3-го дня. Десятый час утра

Завтракал с полицмейстером Вейсом. Он вчера рыскал по всей Вильне, но об Алине и голубоглазом Сигизмунде ни слуху ни духу.

Когда я вернулся к себе, принесли записку от отставного гусарского ротмистра Давида Савана, из Варшавы. Ему удалось выяснить, что генералу Фишеру почти ежедневно курьер доставляет письма из городишка Тракай.

Короткая сия записка едва не свела меня с ума.

Господи! Прозевали полковника Андриевича. Затем прозевали графиню Коссаковскую. Но ни первый, ни второй раз мы так и не воспользовались полученным уроком.

Как только стало ясно, что адъютант генерала Фишера проник в Вильну через подземный ход, нужно было тут же устанавливать наблюдение за корчмой Янкевича в Тракае. А когда прозевали Алину, нужно было хотя бы после этого установить наблюдение. Все равно установить. Очевидно же, что не по воздуху к этой парочке будут из Варшавы приказы лететь!

Так и оказалось. Поляки почту передают этим же подземным ходом. Ежели бы я удосужился хоть немного поразмыслить, то уже несколько бесценных писем было бы у нас в руках, не говоря уже о курьере, из коего бы я вытряс немало, это уж точно.

Как только прошла первая минута оцепенения после ознакомления с запиской отставного ротмистра Савана, я тут же вызвал квартального надзирателя Шуленберха, вручил ему пачку ассигнаций и велел, прихватив с собою двух караульных,

немедленно отправляться в Тракай, денно и ночью пребывая там в трактире Янкелевича и смотря во все глаза и на посетителей трактира, и на служителей.

Шуленберх, не мешкая, тут же и отправился.

На него я крепко надеюсь. Он, пусть и с опозданием, но добудет нам курьера. С письмами, естественно.

Июня 3-го дня. Седьмой час вечера

Днем меня призвал к себе Государь. В кабинете находились также генералы Беннингсен и Аракчеев. Чуть позже к ним присоединился Барклай. Он сел поодаль, стараясь не глядеть на Беннингсена, который, видимо, бесконечно его раздражал.

Александр Павлович стал расспрашивать меня о новостях, касающихся до ведомства Высшей воинской полиции.

Говорил он неторопливо, мягко, но взгляд его был рассеянным и одновременно тревожным.

Потом Государь заговорил о предстоящем бале в «Закрете». Он живо интересовался строительством павильона, внимательно смотрел на план, отбирал рисунки обоев.

Когда начался разговор о бале, генерал Беннингсен заулыбался, расцвел, и с его сухого, неподвижного лица стала даже как будто спадать маска высокомерия и холода.

Все эти перемены не укрылись от внимания Александра Павловича, и он лукаво заулыбался.

– А правда ли, – спросил Его Величество, обратившись ко мне, что генерал-адъютант Балашов всюду болтает о бале?

Я молча кивнул и потупился. Государь помрачнел, хотел что-то сказать, но промолчал. Отошел к окну. Начал барабанить пальцами по стеклу. Наступила пауза.

Но вот Его Величество решительно повернулся к нам, стремительным шагом обошел кабинет, приблизился ко мне и заметил тихо, почти шепотом, но чрезвычайно внятно:

– Санглен, вот, собственно, по какой причине я тебя вызвал. Небезызвестный тебе генерал Вильсон, представляющий тут британскую военную разведку, проинформировал генерала Аракчеева, что есть указ императора Франции о подготовке покушения на мою жизнь. Тебе что-нибудь об этом известно?

Я отвечал, что уже не один день, как располагаю этой информацией и по ведомству Высшей воинской полиции уже принял соответствующие меры. Что в настоящее время идет активный поиск агентов-убийц, заброшенных по заданию Бонапарта в Виленский край.

Государь был вполне удовлетворен моим ответом. Мне показалось, что он полагал, вызывая меня, что информация, предоставленная генералом Вильсоном, повергнет меня в состояние крайнего изумления.

Июня 3-го дня. Двенадцатый час ночи

Гуляя после обеда в городском саду, я столкнулся с целой группой, состоявшей из государственного секретаря Шишкова, как всегда, растрепанного, но остроумного, пронырливого донельзя генерала Вильсона и бешеного корсиканца графа Поццо ди Борго.

Затем, выйдя на маленькую, уединенную аллею, встретил своего прежнего благодетеля и нынешнего соперника – министра полиции Балашова.

Александр Дмитрич не отвернулся, как обычно, а подошел ко мне и стал расспрашивать о том, как продвигается строительство танцевального павильона в «Закрете».

При этом расспрашивал он меня довольно-таки покровительственно, важно, сановито, видимо, желая показать свою особую роль в деле подготовки бала. Ему хотелось выставить передо мной свое значение.

Господи, и не стыдно Балашову так паясничать и представляться!

Вечером, около девяти часов, принесли записку из «Закрета» от полковников Розена и Ланга.

Вот о чем было сказано в записке.

Графиня Беннингенс встречается с архитектором Шульцем практически ежедневно, и, увлеченные возведением павильона, они проводят вместе все больше и больше времени.

Забавнее всего то, что граф благодарил супругу за оказываемую помощь в подготовке бала.

Беннингенс вообще придает этому событию исключительное, чуть ли не мировое значение.

Возведение павильона идет полным ходом. Работа кипит уже с самого раннего утра.

Интересно, что глубоким вечером, по окончании рабочего дня, архитектор Шульц, бесцеремонно отогнав балашовцев, запирается в амбаре с рабочими и часами, буквально целыми часами, о чем-то с ними беседует.

В «Закрете» есть еще одна новость, весьма любопытная.

Мадам Беннингенс по рекомендации архитектора взяла для своих детей новенькую гувернантку – мадемуазель Федерику де Фонтен-Шаландре. Но, кажется, та не столько гувернантка, сколько компаньонка: графиня подолгу гуляет вместе с Федерикой, и нередко к ним присоединяется сам архитектор.

Записка Розена и Ланга, без всякого сомнения, содержит массу интереснейших подробностей. Но меня особенно интересует личность гувернантки и обстоятельства ее появления в имении Беннингенсов.

Уж слишком подозрительно ее появление в «Закрете» почти сразу вслед за тем, как там объявился архитектор Шульц, и тут же они оказались вместе; графиня Беннингенс, присоединившаяся к Шульцу и Федерике, является лишь прикрытием тех тайных интересов, что соединяют эту парочку.

И что же выходит тогда?

Мадемуазель Федерика де Фонтен-Шаландре, принятая гувернанткой в дом Беннингенсов, есть не кто иная, как наша несравненная Алина. А архитектор Шульц, получается, – это адъютант генерала Фишера полковник Сигизмунд Андриевич.

Но ведь Розен и Ланг отличнейшим образом знают графиню Коссаковскую, а они ничего не сообщили мне о том, что им известно, кто именно скрывается за личностью мадемуазель Федерики.

Напишу им и спрошу.

Их молчание тем более странно, что полковнички поклялись мне исправить допущенную ими оплошность и во что бы то ни стало разыскать неожиданно воскресшую Алину. А они встречают ее и молчат – непонятно, необъяснимо.

Срочно набрасываю Розену и Лангу записку и отправляюсь на боковую.

И напоследок хочу обдумать еще одно соображение.

Судя по всему, поляки вместе с французами спланировали совершить покушение на нашего Государя в имении «Закрете».

Идея эта явилась не сразу. Из варшавских донесений ясно видно, что генерал Фишер не один день готовил операцию, обговаривая с Алиной Коссаковской и Сигизмундом Андриевичем разного рода детали. Вероятно, на этот счет были получены специальные инструкции от самого Бонапарта – свидание в Познани с императором Франции нашей прелестной Алины, видимо, отнюдь не было случайностью.

Значит, враги Российской империи давно уже знали, что генерал-адъютанты Александра Павловича решили устроить в «Закрете» бал. Уж не болтовня ли Балашова тому причиной? В таком случае министр полиции – просто изменник и едва ли не государственный преступник. В любом случае виновные, кто бы они ни были, должны быть отысканы.

Июня 4-го дня. Одиннадцатый час утра

Во время утренней прогулки в городском саду встретил целую компанию – генерал-квартирмейстера Канкрин, генерала Кутайсова, полковника Закревского, государственного секретаря Шишкова, генерала Вильсона и графа Поццо ди Борго.

Они, посмеиваясь, рассказали мне, что и им Александр Дмитрич Балашов поведал, что это именно он, а не князь Волконский, второй генерал-адъютант, преобладающий в Вильне, предложил устроить бал в имении Беннингсена.

Господи! Можно ли найти в здешнем крае человека, коему министр полиции не разболтал бы секрета! Это просто невероятно.

Оказывается, измену может порождать не только предательство, не только легкомыслие, но еще и неудержимое хвастовство. Но министр-хвастун, министр-болтун – это все-таки чересчур, как мне кажется.

Двадцать минут назад принесли записку от Розена и Ланга, краткую и написанную явно второпях.

Записка повергла меня в состояние крайнего изумления.

Розен и Ланг убеждали, что мадемуазель Федерика де Фонтен-Шаландре является чистокровной француженкой и что к разыскиваемой нами графине Коссаковской упомянутая Федерика не имеет ровно никакого отношения. Более того, они ручались, что Алины в «Закрете» нет.

Что касается Шульца, то полковники писали, что это довольно известный архитектор, имеющий множество рекомендаций и что его офицерской выправке не стоит придавать особого значения.

Не понимаю – неужто Розен и Ланг идут на сознательный обман начальника Высшей воинской полиции, во что трудно поверить?! Или же они просто обозначились, но и в это трудно поверить, ведь не слепые же они?! Во что бы Алина ни укутывалась, ее личико настолько выразительно и неповторимо, что ее нельзя не узнать.

А ежели они правы, и мадемуазель Федерика де Фонтен-Шаландре – вполне реальное лицо?! В таком случае ничего не понимаю я, и мне пора отправляться в отставку, причем немедленно.

Из всех сообщенных Розеном и Лангом фактов вытекает, что новоиспеченная гувернантка и принятый на службу архитектор – агенты французской разведки в герцогстве Варшавском Алина Коссаковская и Сигизмунд Андриевич.

И то, что полковники наотрез отказываются узнавать в мадемуазель Федерике прелестную Алину, я могу объяснить лишь временным помутнением их разума, кстати, не шибко богатого.

Но как теперь выяснить истину? Как в точности узнать, не Алина ли, блистательно сыгравшая роль девицы легкого поведения, теперь выдает себя за гувернантку?

Полагаю, надо будет срочно заслать еще кого-нибудь из моих людей в «Закрет».

Конечно, из сотрудников Высшей воинской полиции если кто и знает графиню Алину Коссаковскую, так это я.

Так может, мне как раз и попробовать и явиться в «Закрет», к Беннингсену, дабы разглядеть новую гувернантку!

Однако необходимо внимательнейшим образом разглядеть, но отнюдь не спугнуть ее. Это действительно – проблема, и серьезная. Но, кажется, я все-таки решусь. Просто больше некому. А узнать, что на самом деле собою представляет Федерика де Фонтен-Шаландре, нужно непременно.

Но прежде все-таки посоветуюсь с Барклаем де Толли. Дабы самому принять участие в операции, мне необходимо заручиться согласием военного министра.

Июня 4-го дня. Первый час ночи

Когда я явился к Барклаю, то мое предложение поставило его в тупик. Он сказал мне:

– Яков Иваныч, и что же – вы сами отправитесь в «Закрет» под видом нищего?! Но ведь вы же начальник Высшей воинской полиции! Полагаю, негоже вам этим заниматься и еще переодеваться в нищего! Агенты ведь в вашем ведомстве еще не перевелись. Или как? Почему все-таки именно вы?

И все-таки в итоге я уломал военного министра. И прежде всего, конечно, на него подействовало то обстоятельство, что ни один агент не в состоянии в той мере, как я, опознать графиню Коссаковскую, ибо не раз с ней встречался и даже допрашивал ее.

Михаил Богданович только сказал:

– Но ведь и она вас, в таком случае, сразу узнает?

Я объяснил Барклаю, что камердинер мой Трифон – отличный рисовальщик, в пору моего двухлетнего пребывания во Франции, когда я состоял при особе генерал-адъютанта князя Волконского, подрабатывал подмастерьем художника парижской оперы. И еще я добавил, что Трифон разрисует меня хоть под самого Бонапарта, да так, что комар носу не подточит.

И тут военный министр сдался.

Заручившись его согласием, я тут же отправился к себе.

Первым делом я отправил в «Закрет» записку Розену и Лангу, попросив их под любым предлогом выманить к воротам имения в часов семь вечера мадемуазель Федерику де Фонтен-Шаландре.

Тем временем Трифон превратил мой старый, но вполне целый фрак в отличнейшие нищенские лохмотья, а потом принялся и за меня самого. И через полтора часа я превратился в седого, морщинистого горбуна.

Затем я вызвал полицмейстера Вейса, и мы отправились в направлении «Закрета».

Когда до имения оставалось версты две, я вышел из кареты и пошел пешком, опираясь на клюку, которую дал мне предусмотрительный мой Трифон.

У ворот имения стояла несравненная Алина, кокетливо держась за лапищу голубоглазого гиганта, выдававшего себя за архитектора Шульца, – может, это и был архитектор, но только не один год прослуживший в гвардии (вся посадка его была чисто гвардейская).

Собственно, к сей парочке можно было уже и не приближаться – все было и так ясно. Но тем не менее я подошел и для виду попросил милостыни.

Они брезгливо отвернулись от меня и стали всматриваться в дорогу, что вела к воротам, – видимо, Розен и Ланг сообщили мнимой горничной и мнимому Шульцу, что к ним кто-то пришел.

Выразив на лице своем сильное огорчение, я заковылял прочь, пока не скрылся из виду ворота имения, а затем припустил рысью.

Полторы версты до кареты, в коей ждал меня полицмейстер Вейс, я буквально пробежал, на бегу скинув с себя аккуратно раскромсанный Трифоном фрак.

Еще только подбегая к карете, я крикнул кучеру:

– В Виленский замок! Мигом!

Рванул дверцу, заскочил, плюхнулся на сиденье и молвил вопросительно глядевшему на меня полицмейстеру Вейсу:

– Это – они. Никаких сомнений быть не может.

Барклай принял меня сразу же.

Информация о том, что в имении генерала Беннингсена два агента польско-французской разведки, взволновала его не на шутку.

– Что же делать? – спросил меня военный министр чуть растерянно.

– Не спускать с них глаз и делать это так, чтобы они не заметили ничего, – отвечал я.

Мои слова несколько успокоили Михаила Богдановича, и он признал, что мы должны знать буквально о каждом шаге лиц, засланных в «Закрет» по наущению самого Бонапарта.

Однако вернувшись к себе я подумал вот о чем.

Конечно, необходимо, как я заявил Барклаю де Толли, чтобы мнимая мадемуазель Федерика и мнимый архитектор Шульц находились под нашим неусыпным наблюдением и одновременно ничего не заметили.

Однако ведь следят за этой парочкой коллежский асессор Розен и капитан Ланг, с коими прелестная Алина в прошлом не раз уже встречалась. Значит, эта чертовка или уже узнала, или же в ближайшее время узнает – сомнений тут никаких нет.

Выходит, и Розена, и Ланга необходимо немедленно отозвать из «Закрета».

Это необходимо сделать еще и потому, что они странным образом отказывались и отказываются до сих пор признать в Федерике де Фонтен-Шаландре графиню Алину Коссаковскую, хотя я просто не представляю, как они могли не узнать последнюю.

Каковы бы тут ни были причины, обман начальника Высшей воинской полиции допустить никак нельзя. И я это так не оставлю! Голубчики у меня еще попляшут!

Июня 5-го дня. Шестой час вечера

Еще до завтрака я послал записку в «Закрет» к Розену и Лангу, приказывая им немедленно вернуться в Вильну.

В десять часов утра ко мне явился квартальный надзиратель Шуленберх, и мы отправились в трактир Кришкевича.

По дороге Шуленберх рассказал мне, что со своими людьми буквально ежесуточно «прочесывал» подземный ход, ведущий из Тракая в Вильну, и вот вчера вечером в одном из переходов они обнаружили потертый кожаный портфельчик,

в коем находились донесения Алины Коссаковской и Сигизмунда Андриевича к генералу Фишеру в Варшаву.

Портфельчик был вынесен на свет божий, с писем были сделаны немедленно копии, а затем портфельчик отнесли назад, в подземелье.

Шуленберх оставил людей в корчме Янкелевича в Тракае бесшумно следить и выяснить, кто же придет забирать портфельчик, приказав арестовать курьера и доставить его ко мне.

Поблагодарив квартального надзирателя Шуленберха за отличную службу, я сказал, что направляю его в «Закрет» взамен отзываемых оттуда Розена и Ланга и что главной его обязанностью теперь будет наблюдение за всеми действиями горничной Федерики де Фонтен-Шаландре и архитектора Шульца.

Шуленберх тут же (прямо из трактира Кришкевича) и отправился к новому месту службы – в роскошное имение генерала Беннингсена, в знаменитый «Закрет».

А копии с донесений, предоставленные мне квартальным надзирателем, я отослал Барклаю де Толли, дабы тот, просмотрев их, передал Государю Императору (после обеда была мною получена благодарственная записка от Александра Павловича).

В двенадцатом часу дня явились ко мне Розен и Ланг.

Вначале они пробовали отпираться, вяло убеждая меня, что горничная графини Беннингсен несколько не походит на Алину Коссаковскую. Однако под моим строгим взглядом полковнички скоро сникли, и вот в чем они, в конце концов, мне признались. Даю их покающую исповедь в весьма сжатом виде.

Графиню Алину Коссаковскую Розен и Ланг признали сразу же по появлении своем в «Закрете», как и она их, впрочем.

Графиня первая подошла к ним и предложила заключить следующее негласное соглашение. Вот к чему оно сводилось.

Алина пообещала, что будет передавать Розену и Лангу все указания, получаемые ею от генерала Фишера, а взамен просила не писать мне, что они узнали ее.

И полковники согласились. Иначе говоря, вся информация, которую они посылали мне из имения генерала Беннингсена, составлялась для нас, разрабатывалась в штабе генерала Фишера. Вот проклятье!

И теперь-то только я и постигаю присланное мне прежде сообщение Розена и Ланга, что покушение готовится на хозяина имения – на генерала Беннингсена. То Бонапарт хотел повести нас по ложному следу, дабы мы не могли прийти к заключению, что замышляется убийство Александра Павловича.

Далее Розен и Ланг рассказали, что в итоге, вызвав от них все сведения, они собирались все-таки выдать Алину и ее сообщника, поведав мне, наконец, правду.

Видимо, и в самом деле собирались, но это могло быть сделано слишком поздно, могло быть сделано тогда, когда крушение Российской Империи стало бы неизбежным, что несомненно произошло бы, ежели бы насильственно удалось прервать жизнь Государя нашего Александра Павловича.

В общем, ярости моей не было предела. Я, к вящему изумлению всех присутствовавших, был в совершеннейшем бешенстве. Топал ногами, неистовствовал (ломал гусиные перья, швырял об стены стулья, даже вылил на безропотные полковничьи головы склянку с чернилами).

Я в сердцах сказал Розену и Лангу, что они – изменники, и даже пригрозился засадить их в каземат, причем надолго.

Но, конечно, никуда я Розена и Ланга не посажу (их еще повысят, чуёт мое сердце) – сейчас вообще не то время, чтобы можно было разбрасываться людьми. Однако особенно полагаться на этих горе-полковников мне теперь никак нельзя. Придется установить за ними наблюдение – доверия к ним нету.

Отпустил я их только в пятом часу, от сильнейшего нервного напряжения еле держась на ногах.

Розен же и Ланг явно пошатывались и дрожали от ужаса: видимо, им казалось, что их карьера бесповоротно закончилась, и более того – что жизни свои им придется доживать в тюремных застенках, ежели только Бонапарт их не освободит.

Июня 5-го дня. Одиннадцать часов ночи

Около семи вечера ко мне явился Отто Зейдлер, помощник Шуленберха, коего вместо себя квартальный надзиратель оставил в Тракае.

Зейдлер явился не один, а с добычей: это был курьер генерала Фишера, застигнутый в тот самый момент, как из корчмы Янкелевича, что в Тракае, он спустился в подземелье и уже отыскал потертый кожаный портфельчик с бумагами.

Не медля, я начал допрос. Зейдлер все аккуратно и быстро записывал.

Курьер и не думал отпираться и сразу же все выложил как на духу.

Зовут его Андре Мушотт (Mouchotte). Ему 52 года. Он родом из Сан-Манде (Saint Mande), очаровательного местечка близ Парижа.

Губернатор Лавинский восемь лет назад был в Париже и тогда же переманил его к себе на службу.

Андре Мушотт забирал донесения из «Закрета» и самолично доставлял их к генералу Фишеру в Варшаву.

Так я все, в общем-то, и предполагал. Но далее начались неожиданности, сильно меня изумившие и даже озадачившие. Вот что, собственно, я узнал.

Польско-французский курьер постоянно проживает в Вильне. Но это еще не все.

Он служит в доме Лавинского, гражданского губернатора Виленского края, будучи причислен к штату министра полиции Балашова, квартирующего в доме Лавинского.

В Варшаве у Андре Мушотта – единственная дочка (жена преуспевающего польского банкира), чем формально и объяснялись его частые отлучки на территорию герцогства.

К работе в разведке Мушотта привлекла Алина Коссаковская, еще в ту пору, когда она служила в доме Лавинского, в штате Балашова.

Так что сама Алина вынуждена была исчезнуть из губернаторского дома, а посеянная ею зараза осталась.

Оказывается, министр полиции прозевал не только Алину, личного агента Бонапарта, но так и не догадался, что в его штате находится французский лазутчик.

Просто поразительная слепота! Обязательно доложу об этом случае Государю – не имею права не доложить.

Я тут же составил довольно подробную записку, приобщил к ней материалы допроса и содержимое кожаного портфельчика. Получился довольно объемистый пакет, кой по моему приказанию был отправлен в Виленский замок, к Александру Павловичу.

Полагаю, что хоть теперь Его Величество в должной мере оценит профессиональные качества своего министра полиции.

А Андре Мушотта, естественно, приказал взять под стражу.

Теперь же, на сон грядущий, принимаюсь за Шиллера – ничто меня так не успокаивает, как его бессмертные «Разбойники».

Июня 6-го дня. После одиннадцати утра

Еще не было восьми часов утра, как явился ко мне Зиновьев, камердинер Государя, отлично мне известный.

Он вручил мне записку своего патрона. Я тут же пробежал ее глазами – Государь срочно призывал меня к себе.

Мы тут же и отправились в Виленский замок, я только едва-едва успел глотнуть кофею, предусмотрительно сваренного моим Трифоном, пока я беседовал с Зиновьевым и просматривал записку.

Александр Павлович взволнованно мерил своими огромными шагами пол кабинета. Не успел я появиться в дверях, как он буквально ринулся ко мне со следующими словами:

– Я хочу видеть арестованного курьера и самолично допросить его. Понимаешь, самолично?! Тебе целиком доверяю, но хочу допросить его, поглядеть в его глаза, проследить за его интонациями. Санглен, поезжай-ка за курьером и приведи его прямо сюда, в этот кабинет. И немедленно. Никак не могу поверить, что у Александра Дмитрича Балашова, моего генерал-адъютанта и министра полиции, не раз разгадывавшего самые каверзные дела, в камердинерах мог оказаться французский шпион, и не один день. И вот что еще меня мучает: неужели Бонапарт сумел подобраться к нам так близко? Значит, в услужении еще кого-то из моих приближенных могут оказаться его агенты?

– Да, Ваше Величество, так и есть, – отвечал я. – Уже доподлинно известно, что в имении генерала Леонтия Леонтьевича Беннингсена есть два французских агента.

– Ладно, об этом еще поговорим, а покамест поезжай за курьером, – сказал мне Государь, явно смущенный и одновременно раздосадованный.

Я тут же и отправился.

Через минут сорок курьер был доставлен. Я ввел его в императорский кабинет и вышел, оставшись ждать за дверями. Александр Павлович позвал меня опять, когда прошло уже гораздо более двух часов, – допрос явно затянулся.

Его Величество был мрачен, взгляд огромных сияющих голубых глаз приобрел какую-то тяжесть.

– Поезжай, отвези его, – сказал мне Государь, – и тут же возвращайся. Ты мне еще нужен сегодня.

Водворив курьера на полагавшееся ему место и вернувшись, я застал Александра Павловича не столько мрачным, сколько грустно-задумчивым.

– Да, все, к величайшему сожалению, подтвердилось, – сказал Его Величество, растягивая слова и как бы пропитывая их печалью. – И знаешь, Санглен, сей Андре Мушотт не просто был французским курьером: он еще доносил генералу Фишеру обо всех, кого видел у Балашова, и какие разговоры слышал, а слышал он, видимо, немало. Ужас!

После минутного раздумья Его Величество продолжил:

– И надо же было Балашову так опростоволоситься! А тебе я чрезвычайно признателен за поимку сего курьера. Кто арестовал его?

– Квартальный надзиратель Шуленберх, – отвечал я.

– Непременно наградить денежным пособием в размере пяти тысячи рублей ассигнациями.

Я кивнул в знак согласия.

– А что там происходит в «Закрете» у Беннингсена? – продолжал Государь. Я в целом обрисовал обстановку, рассказав, что Андре Мушотт передавал именно донесения тех агентов, что находятся в имении генерала Беннингсена. – А мы не прозеваем их? – резонно осведомился Александр Павлович. – Кто следит за ними?

Я отвечал, что, кроме людей Балашова, в имении «Закрет» находится квартальный надзиратель Шуленберх.

– А, этому, кажется, стоит доверять, – сказал мне Государь и улыбнулся уже почти весело.

Его Величество попросил меня подробно и сразу информировать его обо всех, даже как будто малозначащих, событиях, что происходят в поместье Бенингсена. Я, естественно, обещал.

На этом, собственно, мы и расстались. Я побежал к себе – ко мне должен был прийти с докладом виленский полицмейстер Вейс.

Июня 6-го дня. Первый час ночи

Когда я пришел к себе, то меня уже ждало донесение отставного гусарского ротмистра Давида Савана из Варшавы.

Там сообщалось, что из Тракая к генералу Фишеру стал прибывать новый курьер (видимо, взамен вышедшего Андре Мушотта). Это – некто Игнатий Савушкин, виленский обыватель.

Новость сия меня страшно заинтриговала.

Да часом не сын ли это моего квартирного хозяина купца Савела Савушкина? Хороша же в таком случае новость – агент находится в одном со мною доме!

Я проверил: так и оказалось – сына моего квартирного хозяина зовут Игнатий, два года назад он закончил Виленскую гимназию, поступил в Сорбонну, теперь прибыл на vacation, а может, находится здесь по заданию французской разведки в ожидании предстоящей войны.

В любом случае приходится установить наблюдение за домом, в коем я сам проживаю, что я и сделал, как только ознакомился с донесением Савана.

И еще я приказал усилить наблюдение за корчмой Янкелевича в Тракае.

Полагаю, что меры эти неизбежно принесут свои плоды, и уже в самые ближайшие дни. Жаль, конечно, моего квартирного хозяина, он добрый и милый человек и ко мне как будто расположен, но с сыном своим ему придется вскорости расстаться, тут уж ничего не поделаешь.

Ужинал я у графа Кутайсова.

Бывший там бригадный генерал Роберт Вильсон стал у меня расспрашивать всякого рода подробности о недавнем аресте курьера генерала Фишера и об содержании отобранных у него бумаг.

И откуда этот британец все выведал? Может, от самого Государя?

Я как мог отмалчивался, но, кажется, он и так уже все знает.

А ужин, надо сказать, был довольно скучный. Даже генерал-квартирмейстер Канкрин был не так забавен, как обычно. Вероятно, ощущение надвигающейся войны отнимает охоту к шуткам.

Июня 7-го дня. Одиннадцать часов утра

Оставшийся в Тракае за старшего помощник квартального надзирателя Шуленберха донес мне сегодня с раннего утра, что вчера поздним вечером в корчме Янкелевича был арестован студент Сорбонны Игнатий Савушкин.

Он уже забрал в подземелье корреспонденцию и, довольный собою, пил в корчме вино, собираясь в Варшаву, к генералу Фишеру.

К десяти утра привезли ко мне и арестованного Савушкина. Он сразу во всем повинился и признался, в частности, что был откомандирован в Вильну по заданию наполеоновского Генерального штаба.

Я отечески пожурил Игнашу, взывал к его чувству патриотизма, а потом пообещал отпустить, ежели он не расскажет ничего генералу Фишеру о случившемся, а именно о том, что он побывал у меня в кабинете.

Пока шел допрос (его записывал студент Виленского университета Петрусевич, принятый недавно в мою канцелярию), губернский секретарь Протопопов и коллежский секретарь Валуа сняли копии с писем Алины Коссаковской и Сигизмунда Андриевича.

Я вернул Игнатию Савушкину все бумаги, и он, совершенно счастливый, отправился в Варшаву.

Ежели корчмарь Янкелевич не состоит вдруг на службе у генерала Фишера (а исключать такой возможности ведь нельзя), то все должно, кажется, сойти.

Как только Савушкин-младший ушел от меня, я тут же составил краткую, но весьма точную записку к Государю, приобщил все добытые бумаги и отправил все это в Виленский замок. Надеюсь, что Александр Павлович будет доволен.

Июня 7-го дня. Шестой час вечера

Уже к полудню у меня на столе лежала благодарственная записка от Александра Павловича.

Прислал свое первое донесение из «Закрета» Шуленберх.

Он сообщил, что графиня Беннингсен и горничная мадемуазель Федерика почти не разлучаются. Нередко к ним присоединяется архитектор Шульц. Эта информация важна, конечно, но кардинально она ничего не меняет в сложившихся представлениях о происходящем.

Однако Шуленберху удалось узнать нечто совершенно новенькое.

Поздно ночью, когда рабочие разошлись, он стал осматривать со свечой в руке строящийся павильон, и вот, к изумлению своему, на что обратил внимание.

Оказывается, при возведении сего строения гвозди отнюдь не используются: шляпки от гвоздей, будто бы вбитых в стены, на самом деле искусно нарисованы малярами. Это новость, по сути своей, важнейшая. Она на очень многое открывает глаза и многое меняет.

Характер заговора, кажется, обрисовывается теперь со всей очевидностью. Да, это было замечательное решение: отозвать Розена и Ланга, уже прошляпавших Алину, и послать взамен их Шуленберха.

История с нарисованными гвоздями подталкивает к следующему выводу.

Танцевальный павильон в «Закрете» возводится так, дабы в определенный час рухнуть, погребя под своими сводами нашего императора.

Идея покушения на генерала Беннингсена — это, конечно, желание ввести нас в заблуждение, и не более того. Владелец «Закрета» для Бонапарта опасности не представляет. Известно, что император Франции с нескрываемым пренебрежением относится к военным дарованиям генерала. Несомненно, покушение готовится на нашего Государя.

Нет-нет, все гораздо страшнее. Павильон ведь, судя по всему, должен рухнуть во время бала, назначенного на двенадцатое июня, а на балу будет не только Государь и не только владелец «Закрета» генерал Беннингсен — будет весь генералитет Российской армии, в полном составе.

Несомненно, Бонапарт задумал не только лишить жизни Монарха, но и обезглавить армию и после этого уже вступить на наши территории.

Вот что вытекает из сообщения о нарисованных гвоздях.

И еще одно стало очевидным после получения записки Шуленберха: маляры, творцы мнимых гвоздей, вместе с мнимым архитектором Шульцем участвуют в заговоре. Получается, что имя «Закрет» просто наводнено агентами Бонапарта. Одной Алиной и Андриевичем дело, оказывается, не ограничилось.

Я тут же отправил Шуленберху письмо, в коем поблагодарил его за работу и попросил как можно внимательнее присмотреться к малярам.

И опрометью бросился в Виленский замок, к Государю.

Александр Павлович принял меня незамедлительно. Его Величество ясно понимал, что я не стал бы без особой на то причины просить внештатной аудиенции.

Выслушан я был самым внимательнейшим образом. Затем Император углубился в чтение записки Шуленберха.

История с нарисованными гвоздями, несомненно, произвела на него впечатление. Наконец он прервал явно затянувшуюся паузу и спросил, глядя куда-то в сторону:

– Что же будем делать, Санглен? Я жду твоих предложений.

– Ваше Величество, может быть, стоит отменить бал или хотя бы перенести его на другое число?

– Нет-нет, Бонапарт никак не должен догадаться о том, что мы уже догадались о его хитроумном плане. И в любом случае бал я отменять не собираюсь и даже не могу – это ведь было предложение моих генерал-адъютантов, и я принял его. Так что бал будет, но только ты со своими людьми должен всесторонне к нему подготовиться. Высшая воинская полиция должна показать, на что она способна.

Государь помолчал, а потом добавил, медленно, раздумчиво выводя каждое слово:

– Смотри только, Санглен, пожалуй, пока не рассказывай ничего Беннингсену – не дай бог, проговорится жене своей, и тогда все пропало. Графиня уж точно доложит своему любовнику Шульцу, а заодно и горничной своей, а если и не скажет горничной, то об этом той поведает Шульц. Потом узнает обо всем генерал Фишер, а за ним уже – и сам Наполеон Бонапарт. И Барклаю, пожалуй, не стоит ничего рассказывать. Вообще, пусть это будет до поры до времени нашей с тобой тайной. Но главное, ты теперь не прозевай. Я ничего не боюсь, ибо полностью тебе доверяю.

Государь доверительно похлопал меня по плечу, и это, без всякого сомнения, было высшим поощрением.

Июня седьмого дня. Первый час ночи

Вечером по-соседски зашел ко мне Игнатий Савушкин. Он прибыл из Варшавы, прямиком от генерала Фишера.

Радостно поблескивая глазками, Савушкин-младший неторопливо снял картуз, аккуратно распорол подкладку, вытащил из-под нее сложенный вдвое листок тонкой, почти прозрачной бумаги и протянул его мне.

Как я и предполагал, это была записка от генерала Фишера. Она состояла всего из двух слов: *двенадцатое июня*. И внизу стоял широкий, лихой генеральский росчерк.

Все было ясно как Божий день.

Начальник Генерального штаба польской армии сообщал дату, на которую было запланировано покушение. Он давал указание, что стены и крыша танцевального павильона должны обрушиться не раньше и не позже, чем 12-го июня, а 12-го июня как раз и должен состояться в «Закрете» бал, который по подписке дают российскому императору генерал-адъютанты.

Я сложил листок и вернул его Игнатию, велел в точности передать записку генерала Фишера по назначению. Но тут сосед мой улыбнулся, вытащил из распоротой подкладки еще один листок и протянул его мне.

Я развернул листок и увидел, что это какой-то чертеж, испещренный обильными записями.

Как оказалось, то был план завершающих строительных работ павильона. На заднем обороте листка был маленький рисунок, изображавший, как стены павильона расходятся и крыша проваливается.

Я тут же кликнул губернского секретаря Протопопова, заведующего моей канцелярией, и коллежского секретаря Валуа, велел им немедленно снять копию. Через полчаса они вышли ко мне и вернули оригинал.

Я вернул заветный листок соседу, велел ему немедленно отправляться в «Закрет», но только не попадаться балашовцам, дабы они не устроили лишнего и опасного шума.

Как только Савушкин ушел, я тут же засел за послание к Его Величеству.

Прежде всего я подробнейшим образом изложил свой разговор с курьером, рассказал о записке, состоявшей из слов «двенадцатое июня», приобщил копию с чертежом и с рисунком, запечатал пакет и немедленно отправил его в Виленский замок, к Государю.

План Бонапарта теперь, после попавших в наши руки документов, стал вырисовываться просто с предельной отчетливостью.

Очередное свое донесение из Варшавы прислал мне сегодня Закс.

Он сообщает, что Бонапарт уже отправился в Литву, в местечко Вильковышки.

Закс пишет также, что в варшавском дипломатическом мире все чаще поговаривают, что уже в самые ближайшие дни первые соединения «Великой армии» могут переправиться через Неман.

Я лично полагаю, что это произойдет как раз 12-го июня.

Бонапарт явно хочет приурочить уничтожение нашего монарха к началу боевых действий, усилив тем самым сокрушительность и бесповоротность первого удара. Так что намечающийся бал оказывается вписанным в самый высокий политический регистр.

Все эти дополнительные соображения я изложил в новом письме к Государю, присовокупив к нему последнюю записку Закса, которая, несомненно, заинтересует Его Величество, и это неудивительно. Вкупе с просмотренными бумагами генерала Фишера записка эта многое проясняет, многое ставит на свои места.

Беспокоюсь – что-то молчит Шуленберх. Боюсь, не учудила бы чего Алина: от нее можно ожидать любого подвоха, любой пакости.

Конечно, я понимаю, что не может же Шуленберх баловать меня донесениями каждый день, хотя, может быть, и стоило бы это делать.

Последние недели центр европейской политики, надо признать, переместился в «Закрет», в имение генерала Беннингсена. Мировая история отныне делается в «Закрете», только бы не допустить нам какой-нибудь страшной оплошности, ведь на кон поставлена жизнь нашего Государя, а не исключено, что и судьба всей Российской империи.

Июня 8-го дня. Одиннадцать часов утра

Завтракал я у Баркляя. Потом мы уединились в его кабинете.

Он сказал мне:

– Яков Иванович, хочу с вами посоветоваться. Видите ли, Государь предлагал Беннингсену командовать армией, но тот решительно отказался. Теперь Государь требует непременно, дабы я командовал войском. Как вы думаете?

– Мне кажется, – отвечал я, – Беннингсен поступил благоразумно. Командовать русскими войсками на отечественном языке и с иностранным именем – невыгодно. Беннингсен это испытал. Я полагаю, что и Вашему высокопревосходительству не худо последовать его примеру.

– Но Государь того требует, как отказаться? – обеспокоенно спросил меня Барклай.

– Беннингсен-то сделал, следовательно, и Вашему высокопревосходительству можно поступить также; впрочем, это воля ваша, – отвечал я военному министру.

Не знаю, угодил ли я эту откровенностию; хотя Барклай, по-видимому, колебался, но все окружающие его «мудрецы», которые ожидают от него великих благ, поощряют его на этот подвиг.

Когда я шел назад, то вдруг увидел, что Вильна принимает вид все более воинственный: со всех сторон стекаются войска.

Июня 8-го дня. Четыре часа пополудни

В полдень явился старый мой знакомец Зиновьев, камердинер Государя – Александр Павлович срочно призывал меня к себе.

Я тут же, не мешкая, отправился в Виленский замок, уже во второй раз за сегодняшний день.

Государь встретил меня в высшей степени приветливо и даже ласково, почти по-дружески.

Моими последними записками, посланными вчера, Александр Павлович остался весьма доволен. Он даже особо подчеркнул это.

Причем Его Величество, как и я, придерживается того мнения, что именно к балу в «Закрете» Бонапарт решил приурочить начало боевых действий, а первым залпом должна стать катастрофа в танцевальном павильоне.

При этом в лице Государя не было заметно и тени страха. Скорее в его огромных голубых глазах я увидел огоньки азарта, но в высшей степени спокойного, выверенного, отнюдь не выходящего из берегов.

И еще я ощущал безграничное доверие Александра Павловича ко мне, что весьма меня окрыляло.

Но все-таки я еще раз предложил Его Величеству отменить бал в «Закрете». Государь рассмеялся и сказал мне:

– Санглен, за меня не беспокойся. Подумай лучше-ка вот о чем. Бонапарт, говоря языком столь любимых тобою шахмат, задумал красивую, эффектную комбинацию. Во что бы то ни стало надо сделать так, чтобы она сорвалась. Ради этого я готов riskовать своею жизнью, а ты уж не подведи (только не рассказывай ничего генералу Аракчееву: он занят охраной моей особы и ради этого может забыть об интересах отечества). Имей в виду, что от тебя сейчас немало зависит. Нет, ничего отменять мы не будем, а вот проиграть мы не имеем права.

Я, естественно, обещал ничего не рассказывать Аракчееву.

В ответ же на слова Государя, что он дает мне самые широкие полномочия, попросил отозвать из «Закрета» людей Балашова, ибо они своими неумеренными подглядываниями могут вызвать подозрения у Алины Коссаковской и полковника Андриевича, что совершенно нежелательно для нас в нынешней ситуации.

Александр Павлович, ни минуты не раздумывая, обещал непременно учесть мою просьбу, и буквально в самое ближайшее время, чуть ли не сегодня. «Можешь

не волноваться, Санглен: совсем скоро людей Балашова не будет в «Закрете»...» – заверил меня Его Величество.

На этом аудиенция и закончилась.

Прощаясь, Государь напомнил мне, чтобы я не забывал тотчас же по получении пересылать ему любые сведения – пусть даже самые как будто незначительные, – получаемые из «Закрета».

Июня восьмого дня. Первый час ночи

Пришло долгожданное и драгоценное донесение от Шуленберха из «Закрета» (посыльный принес его глубокой ночью: было уже гораздо более одиннадцати часов).

Я тут же списал текст донесения для себя (у меня теперь есть целая папка, на коей карандашом жирно выведено: «Закрет»), а оригинал отправил немедленно в Виленский замок, к Государю.

Шуленберх сообщает, что строительство танцевального павильона вступило в свою завершающую стадию – стены возведены и увиты целыми картинами из зелени (некоторые из них поистине прелестны), но что-то еще доделывается.

Во всяком случае, «архитектор» Шульц получил какой-то новый чертеж, а на оборотной стороне его есть рисунки, на коих, видимо, обозначены детали павильона. При малейшем приближении кого-либо, за исключением прелестной Алины, Шульц тут же прячет чертеж в карман сюртука.

Балашовцев сегодня неожиданно всех вдруг отозвали из имения, и это было сделано, кажется, к радости всех жителей «Закрета» и к громадному облегчению его, Шуленберха: эти неуклюжие соглядатаи смертельно всем надоели – правда, теперь не над кем будет потешаться.

Сам Шуленберх, кстати, официально считается новым закретовским садовником, и его инкогнито до сих пор, к счастью, не раскрыто, что и неудивительно: это – ушлый полицейский служака, недаром его ценит и сам Государь. Но особо отлично Шуленберх показал себя именно в «Закрете».

И на фоне этих дуралеев – Ланга и Розена – он смотрится не просто героем, а еще и умницей. Но посмотрим, как виленский квартальный надзиратель и мой помощник проявит себя в эти дни, от коих столь многое зависит в судьбе Российской империи.

Да, и вот какую интересную деталь сообщил Шуленберх.

Все рабочие, участвующие в возведении павильона, – выходцы из герцогства Варшавского; причем «архитектор» Шульц со многими из них находится в довольно приятных и даже дружеских отношениях.

Я полагаю, что кандидатуры всех рабочих были утверждены лично генералом Фишером и полковником Андриевичем.

Да, «Закрет», принадлежащий начальнику Генерального штаба русской армии, буквально наводнен французскими шпионами. Теперь это совершенно очевидно.

И неизвестно еще, в каких отношениях с заговорщиками находится графиня Беннингсен, урожденная Бутовт-Анджейкович, польская аристократка. Но даже если она и верна нашему Государю, в любом случае весь «Закрет» обильно пропитан изменой.

Между тем, более всего меня пугают не польские солдаты, переодетые строителями, а графиня Алина Коссаковская, настолько же прелестная, насколько жестокая и коварная, агент Бонапарта в здешнем крае.

Июня девятого дня. Одиннадцать часов утра

С утра явились за распоряжениями Розен и Ланг – в их лицах я не приметил ни тени раскаяния. Испуг прошел, и тут же к ним вернулось ощущение собственной безнаказанности.

Я их отослал с глаз долой, в Ковно, к майору Бистрому, тем более, что в Ковно скопилось какое-то немыслимое количество французов и пришлых поляков (сам Бистром полагает, что все они переодетые офицеры). Думаю, что хоть на что-нибудь эта парочка там сгодится.

Потом пришел полицмейстер Вейс – докладывал об обстановке в Вильне. Но в эти дни Вейс уже мало что способен понять, чего он и не пробовал скрывать.

В городе царит полнейшая неразбериха: он буквально весь затоплен войсками, все прибывающими и прибывающими. Всюду полевые кухни, обозы со снаряжением, артиллерийские упряжки, скачущие ординарцы, какие-то тучи адъютантов и генералов. Отыскать тут французского лазутчика было бы делом не просто невозможным, но и бессмысленным.

Прислал донесение отставной ротмистр Давид Саван из герцогства Варшавского.

Два дня назад он был на ужине у генерала Фишера. Начальник Генерального штаба польской армии буквально светился радостью.

Торжествуя, он прямо сказал всем присутствовавшим на ужине, что дни закланного врага Польши, Российской империи, сочтены, что Александр I – последний российский царь и что буквально со дня на день надо ожидать, что земная жизнь его будет насильственно прекращена.

В ответ раздались изумленные вопросы и радостные восклицания гостей.

Генерал Фишер помолчал, а потом сказал, что не может до поры до времени разглашать имеющиеся у него сведения, но может лишь сообщить, что готовятся грандиозные события, и готовятся они не без участия поляков.

После сих слов в зале, где проходил ужин, раздались громкие аплодисменты и крики восторга.

Получив письмо Давида Савана, я тут же переслал его Государю.

Александр Павлович незамедлительно ответил мне краткой запиской: «Милостивый государь Яков Иванович! Они уверены в полной и скорой своей победе. Тем более осторожными и предусмотрительными мы должны быть в эти дни. Нужно принять все необходимые меры и даже сделать все сверх необходимости. Действуй».

Июня девятого дня. Седьмой час вечера

Только что вернулся от Государя.

Кстати, Виленский замок, как и все последние три месяца, живет спокойно и размеренно – никаких следов паники я не приметил.

Александр Павлович был не один. За его спиной маячили аж целых три генеральские фигуры – Баркляя, Беннингсена и Аракчеева. Буквально через пару минут после моего появления к ним присоединился четвертый – бригадный генерал Роберт Вильсон, шпион и проныра.

Государь обратился ко мне:

– Санглен, у нас тут идет совещаница, по ходу коего возник спор. Военный министр доказывает, что Бонапарт, перейдя границу, пойдет с основными силами прямоком на Вильну, а вот генерал Беннингсен придерживается иного мнения. Но вот в чем все мы единодушны: канцелярию Высшей воинской полиции надо,

не медля, отправлять в Санкт-Петербург. Необходимо совершенно исключить возможность того, чтобы бумаги твоего ведомства попали в руки Бонапарта. Из штата канцелярии оставь при себе одного человека. На ком думаешь остановить свой выбор?

— На коллежском секретаре Валуа, — отвечивал я.

Государь кивнул в знак согласия и сказал:

— Все. Занимайся отправкой канцелярии, а мы продолжим наш спор.

Затем Его Величество наклонился ко мне и шепнул:

— Не забывай пересылать мне все донесения, касающиеся «Закрета».

Июня девятого дня. Первый час ночи

Около девяти часов вечера ко мне заявился сосед мой Игнатий Савушкин.

Сей милый юноша, кажется, вполне сможет в обозримом будущем заглавить собственную измену Отечеству. Он помогает одурачивать генерала Фишера, Алину и Андриевича, а заодно и самого Бонапарта.

Савушкин-младший поведал мне, что ходил сегодня с утра в «Закрет» (так его проинструктировали в штабе генерала Фишера).

Когда он поравнялся с оградой, то прелестная Алина, подойдя поближе, кинула в его сторону бумажный шарик.

Рассказывая это, Игнатий вытащил из-за пазухи тонкую полоску бумаги, на коей карандашом была нацарапана всего одна фраза: «Все будет готово одиннадцатого к десяти часам утра. А.К.».

Эту записку Савушкин должен свезти в Варшаву, к генералу Фишеру. И отправился он сразу, прямо от меня.

Я тут же уведомил Государя о визите Игнатия Савушкина и об его весьма любопытном рассказе.

И весьма важное для меня донесение прислал из Варшавы Яшенька Закс.

Ему удалось свести знакомство с родителями Алины Коссаковской. И отец прелестной графини проболтался (что бы мы делали без говорливых старичков!), что она «гостит» в «Закрете» и покинет имение одиннадцатого в полдень.

Молодчина Закс! Одиннадцатого на рассвете я отправляюсь в «Закрет» за нашей драгоценной птичкой. И никому об этом пока не буду сообщать, даже верному Шуленберху.

Донесение Закса я тут же переслал в Виленский замок, к Государю.

Июня девятого дня. Час ночи

Камердинер мой Трифон сразу же после ужина погрузился в знаменитый разбойничий роман Кристиана Августа Вульпиуса «Ринальдо Ринальдини». Эту книгу он читает уже несколько лет изо дня в день.

Я же, ответив на письма семейства моего — оно осталось в Санкт-Петербурге — перечитываю (и не в целях развлечения, а в ожидании грядущих великих событий) неоконченный роман «Духовидец», принадлежащий перу давнего любимчика моего Шиллера.

Там разворачиваются целые мириады тайн, так и не раскрытых. Леденящие душу преступления так и не объяснены. Многие загадки так и не разгаданы, что как раз и влечет меня к сему творению.

В свое время «Духовидец» наделал много шума. Он писан был в ту эпоху, в которую люди, уклоняясь от утешительной веры, предались поверьям самым грубым

и суеверным. Всех тогда морочил мастерски Калиостро, выдавая себя за человека, имеющего сношения с нечистыми духами.

Шиллер представил в своем «Духовидце» сплетение чудеснейших происшествий. Он таинственным содержанием, пленительным слогом возбудил любопытство всех и сильно подействовал на воображение читателей. С величайшим нетерпением ожидали окончания, однако оно в печати так и не появилось.

Искусству разгадывания преступных тайн я учился во многом именно на «Духовидце».

Да, ежели бы не опыт многолетнего каждодневного прочитывания новинок изящной словесности (и особенно готических романов), вряд ли я бы справился с должностью начальника Высшей воинской полиции, ведомства вполне готического, хранящего не одну страшную тайну.

Вот выйду в отставку и, дабы не разглашать служебных секретов, примусь за романы тайн, потихоньку используя свои познания из жизни практической, из этой поры моей, когда я оказался прикомандирован к особе военного министра.

Июня десятого дня. Одиннадцатый час утра

Завтракал я с полицмейстером Вейсом в трактире Кришкевича. Трактир был весь набит солдатами и сильно смахивал на военный лагерь.

На прогулке в городском саду столкнулся (я был вместе с графом Поццо ди Борго и государственным секретарем Шишковым) с министром полиции Балашовым, шедшим под ручку с гражданским губернатором Виленского края Лавинским.

Завидев меня, Александр Дмитрич порывисто отбросил ручку Лавинского, сжал волосатые свои кулачки и кинулся в мою сторону, начав еще издали кричать.

Подбежав ко мне, Балашов остановился, скорчил гримаску и буквально прорычал мне в лицо:

– Да как вы только посмели!.. Это же из-за вас забрали сотрудников министерства полиции из «Закрета». Да по какому, собственно, праву?.. И чем ваши люди лучше моих?.. И как не стыдно было жаловаться на меня Государю? Вы забыли, что ли, что это я вас, уволенного отовсюду, взял в Министерство полиции? Да и в Московский университет вы попали по моей протекции. И это ваша благодарность?

Сначала бывшие рядом со мной граф Поццо ди Борго и Шишков вздрогнули от изумления, а потом вслух расхохотались. Проходившие мимо (среди них я заметил графа Кутайсова, графа Канкрин и полковника Закревского) останавливались, привлеченные криками министра полиции, и тоже начинали смеяться. Такая реакция несколько остудила пыл Балашова, и он ретировался назад к Лавинскому, своему близкому приятелю, но издали все-таки погрозил мне кулачком.

– Что это нашло на Александра Дмитрича? В своем ли он уме? – спросил у меня Шишков.

Я улыбнулся, но ничего не сказал, а про себя в тот момент подумал: «Конечно, Государь насплетничал Балашову, что это из-за меня его людей убрали из “Закрета”. Ну и пусть. Главное, что балашовцев убрали, а то бы они еще наломали дров».

Но объяснять все это государственному секретарю не имело смысла, тем более, что он должен был думать теперь не о министре полиции и его взаимоотношениях со мной и с Государем, а о составлении манифеста по случаю войны, которая начнется со дня на день.

В полдень у меня должна состояться встреча с Александром Павловичем. Непременно расскажу ему, как на меня в саду напал Балашов. Однако прежде чем

идти в Виленский замок, я зайду к себе, дабы поглядеть почту (с утра я не успел это сделать).

Июня десятого дня. Шестой час вечера

Государь смеялся до слез, когда я рассказал ему о встрече с министром полиции Балашовым.

Затем мы обратились к тому, что происходит в «Закрете». Обсуждали также рассказ Игнатия Савушкина и донесение Закса.

Государь одобрил расторопность Закса, то, что он умудрился подружиться с отцом мнимой горничной графини Беннингсен, чрезвычайно хвалил Савушкина – записка, которую тот принес, весьма должна была облегчить работу Высшей воинской полиции.

Мою мысль, что завтра с утра надо ехать в «Закрет», Его Величество сразу и полностью одобрил.

– Внимательнейшим образом осмотри весь танцевальный павильон, – сказал мне Александр Павлович, – и постарайся непременно задержать мнимую горничную графини Беннингсен, коли та завтра собирается бежать из имения.

А потом Государь добавил:

– Сегодня еще хорошо бы дождаться донесения от Шуленберха: оно бы многое позволило нам уточнить.

Когда я вернулся к себе, меня уже ждала записка из «Закрета» от моего верного Шуленберха. Вот что он сообщил мне.

Шуленберх подстригал в парке громадную роскошную ель, когда в аллее появилась графиня Беннингсен со своей горничной, то бишь с прелестной Алиной.

Когда они стали приближаться к нему, Шуленберх спрятался за не обстриженную еще ель. До него долетела фраза, сказанная Алиной:

– Мария, через два дня мир изменится. А Польша лишится своего главного притеснителя.

Дамы, конечно, говорили о готовящемся покушении на нашего Государя. Но крайне важно было еще вот что: хозяйка «Закрета» графиня Беннингсен прикосновенна к заговору; Алина с нею откровенна и пользуется ее поддержкой в осуществлении своих черных дел.

Как только я ознакомился с запиской, как тут же кинулся опять в Виленский замок.

Государь принял меня незамедлительно.

То, что написал Шуленберх, произвело на Его Величество неизгладимое впечатление.

Государь не выдержал и в сердцах сказал:

– И тут измена! Немыслимо, совершенно невысказано: супруга начальника Генерального штаба российской армии причастна к заговору Бонапарта против меня! Поверить в это страшно тяжело и обидно, но, увы, приходится это делать.

Александр Павлович спрятал записку Шуленберха в папку, на коей было выведено: «Граф Леонтий Леонтьевич Беннингсен» и примолвил:

– Умница все-таки твой Шуленберх. Поблагодари его от моего имени.

Прощаясь, Государь обнял меня и шепнул, хотя поблизости никого не было:

– Удачи тебе завтра, Санглен, полной и бесповоротной удачи. Дай бог, чтобы удалось перехитрить Бонапарта. Не хочу тебя смущать, но возникла ситуация, когда ты просто не имеешь права на поражение. Тысячу раз продумай каждый свой шаг.

Я заверил Александра Павловича, что все продумано буквально до мельчайших деталей, и в самом деле это было так.

Его Величество перекрестил меня. Его огромные, ясные голубые глаза на сей раз были увлажнены слезами, что делало их еще прекраснее.

Июня одиннадцатого дня. Полночь

В семь часов утра за мной заехал полицмейстер Вейс, а еще вызванные из Ковно коллежский асессор Розен и капитан Ланг.

Я немедленно приказал оседлать лошадей, и все мы поскакали в «Закрет».

У подъезда дома встретил я Беннингсена, который, вероятно, полагал, что я послан Государем с каким-либо к нему приказанием, ибо спросил:

– Что вы мне привезли?

– Я приехал засвидетельствовать Вашему высокопревосходительству мое почтение и посмотреть на строящуюся залу.

– Пойдемте ко мне. Жена наливает чай; напьемся, а потом пойдем вместе.

Отказаться было неловко. Супруга его налила мне чаю.

Едва я взял чашку в руки, как тут же сказал:

– А где архитектор?

– Он недавно был здесь, – отвечала мне графиня.

– Немедленно отыскать его, – приказал я.

Через несколько времени посланные возвратились и принесли выловленные из воды фрак и шляпу мнимого архитектора.

– Видно утопился, – сказали нерешительно посланные.

– Вот и первый промах, – подумал я. – И конечно, полковник Андриевич не утопился, а бежал. Все подготовил и ретировался в Варшаву. Или поджидает где-нибудь в условленном месте Алину. Дабы вместе явиться пред светлые очи генерала Фишера. Надобно теперь не упустить Алину.

Я ненадолго погрузился в раздумья, а потом сказал:

– Графиня, не могу вас утруждать. Нельзя ли, чтобы танцевальный павильон показала мне ваша горничная мадемуазель Федерика? Говорят, она тут все знает.

Мадам Беннингсен ответила мне согласием. Кликнули горничную. Она тотчас явилась, и мы отправились осматривать павильон.

– Алина, я ужасно скучаю без вас, – заметил я, когда мы остались вдвоем.

При этих словах глаза графини Коссаковской полыхнули огнем бешенства, но я сделал вид, что ничего не замечаю.

Тем временем мы подошли к павильону.

– Графинюшка, – сказал я как можно невиннее, – вы зайдите, осмотрите все, а потом уже и я.

При этих словах Алина смертельно побледнела и резко отрицательно качнула головой.

Однако я, не мешкая, втолкнул ее в павильон и запер дверь. Затем подошел к стене, увитой зеленью, и со всей силы качнул ее. И стена стала поддаваться. Раздался страшный треск, заглушавший крики Алины: павильон начал рушиться.

Все арки, обвитые зеленью, скоро лежали на полу. Мне удалось рассмотреть, что все арки между собою и к полу прикреплены были штукатурными гвоздями.

Я вскочил на лошадь и во весь галоп поскакал к Государю. Вейс, Розен и Ланг ринулись за мной.

– Что? – спросил Государь, как только завидел меня.

– Здание разрушено, – отвечал я. – Один пол остался.

Государь требовал подробностей.

Я рассказал, что по осмотре оказалось, что шпионка Бонапарта была к моменту катастрофы в здании павильона и погибла в момент разрушения, не став докладывать нашему человеколюбивому Государю, как Алина попала в павильон.

– Так это правда! Значит, покушение действительно готовилось? – сказал Государь и продолжал потом: – Поезжай-ка, Санглен, в «Закрет» и прикажи пол немедленно очистить и привести все там в порядок. Зачем нам крыша? Мы будем танцевать под открытым небом.

Я заехал к себе домой, приказал заложить коляску, чтобы ехать в «Закрет», к Беннингсену. На квартире меня ожидала эстафета из Ковно от полицмейстера майора Бистрома с извещением, что Бонапарт в районе Ковно начинает переправляться через Неман со своею армиею. Не успел я дочитать эстафету, как прибыл и сам майор Бистром. Рассказ его был сумбурен, но впечатляющ и неминуемо означал, что страшная война началась.

Я тут же воротился назад, в Виленский замок, прихватив с собой и майора Бистрома, и явился с докладом к Государю.

Александр Павлович принял меня незамедлительно.

Войдя в императорский кабинет, я тут же втащил за собой оробевшего майора Бистрома и подтолкнул его прямо к Государю.

Рассказ ковенского полицмейстера был выслушан со вниманием, но не более того, что меня даже удивило.

– Я этого ожидал, – спокойно отвечал Александр Павлович, совершенно не изменившись в лице. – Но бал все-таки будет, непременно будет. Я уже дал согласие своим генерал-адъютантам. И вообще: негоже показывать Бонапарту, что мы его боимся.

Июня двенадцатого дня. Десять часов утра

С раннего утра прогуливался в городском саду с коллежским секретарем Валуа – единственным оставшимся в Вильне чиновником моей канцелярии. Видел министра полиции Балашова: оба мы церемоннейшим образом раскланялись и молча разошлись.

Вернувшись к себе, читал бессмертные Шиллеровы творения – драму «Разбойники» и неоконченный роман «Духовидец». Наслаждался и восхищался, делал выписки, даже набросал перевод нескольких фрагментов из «Духовидца».

Затем принялся за дела.

Слава богу, что, наконец, избавились мы от графини Коссаковской, особы чрезвычайно зловредной и опасной. Надеюсь, что она не воскреснет в самое ближайшее время. А вот то, что полковнику Андриевичу удалось бежать, – плохо, конечно. Надо бы его каким-то образом заполучить назад. Еще подумаю над этим. Необходимо что-то на этот счет придумать.

Но в целом все складывается замечательно. Гнусная затея злодея Бонапарта не удалась, слава богу, – Государь наш остался целехонек.

Его Величество собирается представить к награде квартального надзирателя Шуленберха. Да, это было бы совершенно справедливо. Но я думаю, что за компанию наградят еще этих ротозеев и трусов – Розена и Ланга. Ну и ладно.

А мне лично достаточно того доверия, что неизменно оказывает мне наш Государь.

Интересно, расскажет ли в ближайшее время Александр Павлович генералу Беннингсену, что супруга его прикосновенна некоторым образом к тому жуткому покушению, что должно было состояться в «Закрете»? Или же наш император будет таить обиду и молчать, делая до поры до времени вид, что ничего не произошло?!

Я лично полагаю, что ничего сейчас Его Величество не расскажет, а побережет имеющиеся в его распоряжении бесценные сведения до того момента, когда позволит себе излить накопившиеся у него раздражение и гнев на своего заносчивого генерала.

Сейчас же, в канун тяжелейшей и опаснейшей войны, Александр Павлович и виду не подаст, что ему хоть что-то известно, – это ясно как Божий день. Тут не может быть никаких сомнений.

А мне, конечно, хотелось бы, чтобы Беннингсену устроили разнос прямо сегодня или в крайнем случае завтра, сразу после бала.

Генерал в последние недели столько зла принес Барклаю де Толли, столько гадостей про него наговорил, упорно пытаюсь поссорить с ним Государя! И было бы совершенно справедливо, ежели бы теперь досталось и интригану и злоке Беннингсену.

Но ничего не поделаешь – придется ждать! Что ж, буду учиться у нашего хитроумнейшего Александра Павловича, в совершенстве владеющего искусством ждать нужного момента. Вообще я не раз уже убеждался в том, что если кто и рожден быть шпионом, так это именно он.

Июня двенадцатого дня. Шестой час вечера

Час назад неожиданно явился ко мне отставной ротмистр Давид Саван. Прибыл он напрямик из Варшавы, и совершенно без предупреждения: как говорится, свалился как снег на голову.

Ротмистр поведал мне, что два дня назад его неожиданно призвал к себе генерал Фишер и, не медля ни минуты, велел отправляться в Вильну приказав обосноваться там и высматривать, как русские будут готовиться к бегству и кого из своих они оставят в городе.

Еще генерал Фишер рассказал Давиду Савану, что Бонапарт, перейдя Неман, двинется со своими силами прямо на Вильну, и что нужно пресечь возможность каких-либо покушений на жизнь императора Франции. Генерал добавил потом, что и с этой целью отставной ротмистр ныне посылается в Вильну: Саван должен будет следить, дабы не было никаких посягательств на личность Бонапарта.

– Что ж, оставайтесь в здешнем крае, ротмистр, – отвечал я. – Для подмоги я оставлю вам еще пару людей. Ваши донесения из Вильны нам пригодятся не менее, чем Ваши же донесения из Варшавы, а может, даже и более. Имейте в виду, что уже в самое ближайшее время нам понадобятся известия и рапорты о передвижениях корпусов французской армии. Постарайтесь попасть в штаб к Бонапарту, хотя бы в качестве переводчика. Это, конечно, не просто, но чем черт не шутит – вдруг получится.

В ответ ротмистр рассказал мне, что генерал Фишер обещал ему лично представить его императору Франции, когда тот войдет в Вильну. Так что, возможно, Бонапарт и в самом деле оставит Савана при своем штабе – это было бы просто замечательно.

Будем надеяться, что генерал Фишер не подведет и не забудет о своем питомце и нашем великолепном агенте – урожденном французе и российском подданном Давиде Саване.

Мы договорились, что завтра с утра пораньше Давид Саван явится ко мне и я тогда дам ему список поручений.

Кстати, отставной ротмистр рассказал еще, что вернувшийся из «Закрета» полковник Андриевич по распоряжению генерала Фишера уволен от звания адъютанта, разжалован в рядовые и отправлен в действующую армию. Несомненно, с

полковником Андриевичем так поступили потому, что наш Государь остался целехонек, что готовившийся обвал потолка танцевального павильона в «Закрете» состоялся не вовремя, ранее намечавшегося Бонапартом срока.

Когда Давид Саван ушел, я вызвал к себе коллежского секретаря Валуа и нескольких чиновников Высшей воинской полиции.

Я сообщил им всем о принятом мною, совместно с военным министром, решении посылать наших людей на фланги и в тыл противника.

Валуа писал командировочные предписания (перо его буквально летало над бумагой). Я же расписывался и ставил печать, услужливо подаваемую моим верным камердинером Трифоном.

Коллежский ассессор Розен и майор Бистром⁷ уже в самые ближайшие дни должны направиться в район Динабург – Рига.

Таможенный чиновник Бартц поедет в Белосток. Ротмистру Винценту Ривофиналли, бойкому, хваткому и настырному, держать путь в Москву: он должен будет как можно полнее выявить французскую агентуру, которая весьма обильно гнездится давно уже в первопрестольной столице нашей.

А подполковник Кемпен получил назначение в Мозырь для развертывания агентурной работы в Могилевской губернии.

Капитану же Лангу, оставляемому в Виленской губернии, будут приданы несколько казаков для захвата «языков».

Кроме этого, в Вильне я оставляю под началом квартального надзирателя Шуленберха целый отряд Высшей воинской полиции (Шуленберх о новом задании узнает от меня завтра, как вернется из «Закрета»).

Получив командировочные предписания, все чиновники тут же разошлись по домам – готовиться к отъезду. Особенно спешил ротмистр Ривофиналли – он рвался в Москву, искать шпионов.

В кабинете остались только я, коллежский секретарь де Валуа да камердинер Трифон, неизменный и неоценимый мой друг и помощник.

Я и де Валуа выпили вкуснейшего липового чаю, поданного нам Трифоном, отведали баранок (дар купца Савушкина), обсудили новейшие политические события.

Де Валуа – заклятый враг Бонапарта.

Он говорил о том, что если Россия сейчас не остановит этого лютого зверя, жестокого и коварного, то человечество окажется на самом краю бездны. Валуа прибавил в запале, что готов во благо рода людского заколоть Бонапарта.

Я, улыбнувшись, отвечал коллежскому секретарю, что он в значительней мере приблизит победу, если дела канцелярии Высшей воинской полиции будут находиться в порядке.

Потом к нам присоединился Игнатий Савушкин, сын купца и моего домовладельца, студент Сорбонны и с недавних пор наш агент, оказавшийся весьма полезным. Правда, он был на службе у Бонапарта, а теперь вот верой и правдой трудится для нашего Государя.

Игнатий рассказал нам, что он прибыл по поручению генерала Фишера, дабы остаться в Вильне, вплоть до особых распоряжений.

Валуа записал слова Игнатия, я составил сопроводительную записку, запечатал все это в конверт и отправил Государю.

Завтра познакомлю Савушкина-младшего с отставным ротмистром Давидом Саваном.

Полагаю, они пригодятся друг другу, а заодно и мне, а заодно и нашему страждущему отечеству.

⁷ Майор погиб в Бородинском сражении. Позднейшее примечание Якова де Санглена.

Июня двенадцатого дня. Полночь

Бал в «Закрете» в полном разгаре (для охраны там оставлены полицмейстер Вейс, квартальный надзиратель Шуленберх, не считая переодетых в крестьян и в лакеев рядовых полицейских), а я вот сижу у себя, читаю донесения.

Коллежский секретарь де Валуа, представляющий собою в эти дни всю мою канцелярию, сосредоточенно возится с бумагами: советуясь со мной, ненужные и не очень нужные бросает в камин, пылающий неудержимо, а те, что имеют особую ценность, он отправляет на дно объемистого портфеля, в коем в итоге уместилось все делопроизводство за апрель – июнь сего года.

Коллежскому секретарю самоотверженно помогает мой камердинер Трифон, весь измазанный сажей и даже как будто какой-то закопченный, словно вырвавшийся из преисподней.

Так что пока в «Закрете» веселятся, мы втроем трудимся весь этот вечер, не покладая рук.

Около десяти часов вечера наша работа – вернее, мое участие в ней – была на некоторое время прервана: принесли записку от Яшеньки Закса, совсем коротенькую, но чрезвычайно значительную и даже, можно сказать, историческую.

Сейчас же перешлю сей документ Государю.

Вернувшись с бала, Его Величество, я уверен, с удовольствием прочтет эту записку и останется доволен.

Собственно, записка по содержанию своему весьма грустна, но грустность эта нам уже известна. Однако в записке есть один весьма отрадный фактик, о котором Государь даже не догадывается. Между тем, знание этого фактика, надеюсь, будет для Александра Павловича весьма приятно.

Поразительно, но Закс, как явствует из его последней записки, уже находится не в Варшаве и даже не на территории герцогства, а фактически пребывает теперь в пределах Российской империи и, кстати, не так уж и далеко от Вильны, вернее, он обретается где-то между Ковно и Вильной. Новость сия явилась для меня полнейшей неожиданностью.

Закс сообщает мне следующее.

Бонапарт отдал приказ начать переправу через Неман, у Ковно. Об этом я уже узнал из эстафеты ковенского полицмейстера майора Бистрома, но вот что явилось внове.

Триста поляков 13-го полка – в их числе, по словам Яши Закса, находится и разжалованный в рядовые полковник Андриевич, еще совсем недавно хозяйничавший в «Закрете» у Беннингсена, – первые перебрались на ту сторону реки.

Сведения, присланные Заксом, абсолютно достоверны – сомневаться в их верности не приходится, ведь они подтверждаются сведениями, полученными мною из Ковно.

Вообще мальчишка молодец, конечно. Я всегда им гордился и ни минуты не жалею об этом. Не сомневаюсь, что он еще послужит Российской империи, и как послужит!

Но вот как Закс оказался в эти дни за пределами герцогства Варшавского – это история прелюбопытнейшая.

Все дело в том, что он по распоряжению генерала Фишера был направлен в 13-й польский полк переводчиком, – именно этому полку поручалось первым пересечь границу, переправившись через Неман!

Решение начальника польского Генерального штаба прикомандировать Якова Закса к 13-му полку является для нас просто неслыханной удачей и любопытнейшим сигналом, можно даже сказать, что данным сверху предзнаменованием.

Хорошее начало для военной кампании, ничего не скажешь!

Вот император Франции Бонапарт обрадовался бы, узнав, что в числе первых, переправившихся через Неман, находится российский шпион – виленский обыватель Лейба Закс, уже оказавший нам за последние месяцы множество совершенно бесценных услуг!

Да, наш пострел, как говорится, везде поспел! Еще бы в военной полиции парочка таких людей – и цены бы нам не было!

Я написал Заксу, дабы он любым способом доставил ко мне разжалованного в рядовые полковника Андриевича. И ведь доставит – не сомневаюсь.

А теперь сосну-ка я часок или даже чуть более – велю верному моему Трифону к двум ночи меня непременно добудиться.

Как бал в «Закрете» закончится, Государь обещал давеча, что тут же призовет меня к себе для конфиденциальной беседы: Его Величеству, Барклаю и мне надо будет срочно решить, как работать Высшей воинской полиции в условиях войны.

Пока у генерала Беннингсена все веселятся, мне необходимо набраться сил. К нынешнему рассвету голова моя должна быть свежей как никогда. Это, несомненно, будет утро ответственнойших решений, от коих слишком многое зависит в судьбе всей нашей Империи.

Великие, роковые события стоят уже перед нашими воротами.

Будем же готовы ко всему, примем удары судьбы и не станем терять веры в победу над этим проклятым корсиканцем, жестоким, вероломным и хитрым.

И возрадуемся, что Государь наш цел и невредим, что страшный умысел Бонапарта не удался, а ведь все могло сложиться и совершенно иначе: и грустнее, и страшнее.

Вражеские полчища наводняли бы наши земли, а Александр Павлович (о ужас!) лежал бы в это время недвижимый и обезображенный, не способный ничем ответить на насильничества узурпатора царских тронов.

Непоправимая трагедия сегодня – во время бала – могла запросто произойти, и Русь (невыносимо даже думать об этом) могла быть уже обезглавлена.

Бог нас спас! Бог и – недремлющее око Высшей воинской полиции. Конечно, нам не хватает дельных и расторопных сотрудников, но что-то все-таки нам удалось сделать в эти дни: отрицать сей факт уже невозможно – он неоспорим теперь, кажется, для всех.

Надо честно признать, что даже хитроумные козни министра Балашова не могли нам помешать: сам Государь признал, что Высшая воинская полиция оказалась в это тяжелое, смутное время подлинно на высоте.

Конечно, полковнику Андриевичу удалось бежать, что весьма прискорбно, но графиня Коссаковская, доверенное лицо Бонапарта в здешнем крае, наконец от нас не ускользнула, хоть я и опасуюсь, чтобы она опять как-нибудь не вывернулась – уж больно хитра и дерзка была девица.

Так что я до сих пор ожидаю от нее какой-нибудь каверзы, даже посмертной. Но что бы она ни выкинула теперь, наш Государь жив. Это – главное. И надеюсь, что в самое ближайшее время Александр Павлович отбудет в Санкт-Петербург – здесь становится совсем небезопасно. С Бонапартом шутки плохи.

Все. Перестаю писать, закрываю тетрадочку, кладу ее в заветную шкатулку, обшитую черным бархатом, запираю ее на ключ и укладываюсь, наконец: мой любимый диванчик уже готов раскрыть свои ласковые, теплые объятия. Необходимый и благодетельный сон призывает меня.